

Искусство нового мира

На пороге великой годовщины, осмысливая славный тридцатилетний путь, пройденный нашим народом, нашим государством, мы с чувством особенной гордости постигаем, какой повстанце необозримый вклад в мировую культуру внесло наше социалистическое искусство.

Советская страна явила миру вдохновенный пример того, как общественный строй, основанный на высшей человеческой справедливости, дающей беспредельную свободу творчества, открывающий необятные горизонты перед художником, вызывает к жизни все талантливое, все смелое и новое.

В нашей стране, где художником руководит благородное стремление служить народу, Родине, всему человечеству, — литература и искусство непрерывно находятся в состоянии могучего роста, неуклонного развития. В творчестве советских писателей, актеров, музыкантов, живописцев отражено великое духовное богатство нашей жизни, борьбы, созидания.

Вот почему литература и искусство страны социализма по праву владеют сердцами читателей, зрителей, слушателей не только в Советском Союзе, но и во всех странах мира. Вот почему свет нашего передового искусства доходит даже до самых отдаленных и мрачных уголков планеты, рассеивая мрак, которым облекают людские души современное искусство Запа- ла.

Живительное влияние советских художников на мировую культуру грандиозно. Все честное и передовое на Западе испытывает на себе это облагоуражающее влияние с нарастающей силой.

Литература и искусство нашей страны активно вмешиваются в жизнь, становятся мощным оружием в борьбе за свободу, за мир и счастье народов.

Вспомним триумфальные шествия шедевров советской литературы по всему миру. Какой глубокий след в сердцах оставляют книги Шолохова, Фадеева, Николая Островского, Алексея Толстого, Симонова, книги, утверждающие величие советского человека — строителя нового мира. Герой этих книг противопоставлен истинным воляям эгоистов, мажоров и других мракобесов, возмущавших читателей, что человек загублен.

Советская литература сегодня выступает в мире, как подлинный новатор и в области идей, и в области литературной формы. Являясь законной наследницей всего лучшего и передового, продолжая традиции великих русских классиков, советская литература движется вперед и выше, все больше раскрывая свои неисчерпаемые возможности.

Вспомним, с каким восторгом встречают зрители всех стран произведения советского искусства. Каким откровением для мира явились «Броненосец Потемкин» и «Чапаев», «Александр Невский» и «Двенадцать Батальоны», «Адмирал Пахлов» и «Кавказ». Никогда еще экран не дышал такой величавой правдой и человечностью, никогда искусство не достигало таких идейных вершин, как в нашей стране. Разве не знаменательны великие победы, одержанные мастерами советского кино на международных фестивалях. На фоне этого могучего высоко идейного искусства еще более омерзительными предстают перед всеми гнусные «творения» американских киноделов, их убогие ленты, проповедующие самые низменные инстинкты, воспевание «подвиги» бандитов, растлевающие зритель.

Вспомним выступления за рубежом наших великих музыкантов, певцов, танцоров, неизменно приносящие им мировое признание и любовь благодарных слушателей. Вспомним успех молодых мастеров советского искусства на международном фестивале молодежи в Праге. Здесь с особенной силой было продемонстрировано неиссякаемое богатство талантов в нашей стране, где так любовно выращивается все новое.

Во всем мире звучит в концертных залах советская музыка. Имена Шостаковича

и Прокофьева, Хачатуряна и Бабалевского, Мясковского и Гигера стоят в первом ряду мировых мастеров современной музыки.

Не имеет равных советский театр, уже давшему всемирное признание, сохранивший во всем блеске и обогащенный прекрасное сценическое искусство наших отцов и дедов. Это — театр больших идей и больших чувств, непревзойденного мастерства, продолжающий развиваться и совершенствоваться.

Уже первые встречи зарубежных любителей живописи с полотнами советских мастеров утвердили в мире приоритет и в этой области социалистического искусства. Одним из примеров этого является недавняя выставка советских художников в Вене. Выставка эта по времени совпала с выставкой французских художников, и посетители имели возможность сопоставить искусство двух стран, двух миров.

«Русский народ, — записала в книге отзывов одна из посетительниц, — можно считать счастливым обладателем первого места в духовной жизни человечества. Французская выставка буквально физически подавила меня, тогда как русская слова дала мне мужество и надежду».

Такова живительная действенная сила советского искусства, дающего людям мужество, вселяющего в них свет надежды в противовес растленному буржуазному искусству, подавляющему и опустошающему людей.

Есть еще одна особенность советского искусства — оно многонационально. В этом также сказалось преимущество социалистического строя, открывающего дорогу к творчеству всем гражданам, независимо от их национальности. Великий Октябрь впервые открыл подлинные творческие возможности всех народов, населяющих Советский Союз.

Недавно в «Литературной газете» было опубликовано письмо киргизского писателя Касымалы Байлынова, адресованное господину Пойнтону — британскому депутату в Комитете опеки Генеральной Ассамблеи ООН. Господин Пойнтон осмелился провести аналогию между жизнью людей в колониальных владениях Великобритании и в советских республиках. В своем ответе, исполненном чувства неизмеримого превосходства нашего социалистического строя над строем капиталистическим, чувства достоинства советского патриота, Касымалы Байлынов писал:

«Свидетельствую, что в нашей республике, впервые узнавшей о том, что значит литература, только в 1926 году, есть поэзия и поэты, критики и литературоведы, драматурги и сценаристы...»

Киргизский писатель предложил господину Пойнтону совершить обмен национальными произведениями литературы и искусства между Киргизией и жителями английских колоний.

Вряд ли господин Пойнтон сумеет принять это предложение по той простой причине, что ничего подобного в колониальных владениях Великобритании не существует и не может существовать.

Наша литература и наше искусство еще далеко не развинули всех своих возможностей. Они молоды так же, как молодо наше первое в мире социалистическое государство. Великое будущее ожидает наше искусство, как и всю нашу культуру.

Накануне Октябрьской годовщины мастера советского искусства охвачены небывалым творческим подъемом. Они сознают в полной мере всю ответственность, которая возложена на них историей, народом, партией большевиков. Они знают, что за их свободным, вдохновенным трудом следят не только советские люди, но и простые люди всего мира. И они оправдают надежды своего народа, всех свободолюбивых народов земли.

Нет большего счастья, чем счастье творить в Советском Союзе, в стране, которая идет во главе человечества, в стране, которая идет к коммунизму под водительством нашего отца, вдохновителя, вождя — великого Сталина.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 51 (2366)

Суббота, 1 ноября 1947 г.

Цена 40 коп.

Константин СИМОНОВ

Дым отечества

ОТРЫВОК
из повести

За чаем разговор перешел на семейные темы.

Заговорили о детях. Григорий Фаддич долго и обстоятельно вспоминал старшего, погибшего сына — Анатолия, а кончив говорить о нем, перевел разговор на младшего — Егора, которого хвалил тоже долго и обстоятельно — и за успехи в школе, и за послушание, и в особенности за хороший характер. — Парень положительный — в меня!

О среднем сыне, — Иване — не было сказано ни слова.

— А как Ваня? — спросил Басаргин.

— А ну его к лешему, не хочу о нем и говорить.

— А что, — удивился Басаргин, — что-нибудь плохое с ним?

— Плохое — не плохое, а хорошего мало. От рук отбился. В Смоленск уехал. В ремесленное пошел. С глаз долой. Кто его знает, чем он там занимается. А все Шурика Шурика его туда и сманил, в ремесленное. Это он мне нарочно насолил, Шурика твой.

Григорий Фаддич даже не удержался и пристукнул по столу кулаком.

— Чортос сын!

И Басаргин почувствовал, что глупое раздражение против Шурика было общим в семье, и на этом пункте сходились и Григорий Фаддич и крошка Елена. Он не совсем понимал, в чем дело, потому что прежде, как он помнил, Григорий Фаддич не только хорошо относился к Шурику, но даже баловал его. Видно, что-то переменялось. Басаргин хотел было спросить об этом, но удержался. Прежде чем спрашивать, надо увидеть самого Шурика. «Какой он теперь?» — подумал Басаргин и попросил мысленно представить себе его, но вспомнил, что теперь Шурика — лейтенанта запаса и что у него нет одной руки. И, вспоминая все это, уже окончательно не мог представить себе нынешнего Шурика.

— Значит, они оба в Смоленске, — сказал он. — А здесь двумя жителями стало меньше.

— Вольному воля, спасенному рай, — с еще не прошедшим раздражением отрезал Григорий Фаддич.

— А сколько народу теперь живет в городе всего? — спросил Басаргин.

— Семнадцать тысяч.

— Вот не думал. Только на четыре тысячи меньше, чем до войны. Да где же они разместились? Домов-то меньше, по крайней мере, наполовину.

Да уж как-никак размещаются, — сказал Григорий Фаддич. — Странным образом в сорок третьем году во всем районе сорок три дома оставались целыми: это счастливый и гордый и шестнадцатая деревня. Стало быть, все-таки кто и ругать нас изволите, в стране потихоньку. По культуре — не скажу, культура, конечно, не та, что до войны, а по чистоте трубе на семейство все так же возмужали. А где труба, там и печка — основа жизни. Я, конечно, домосед, в тропиках не бывал, может, там холдиники — основа жизни. Ну, а у нас — печка.

Он рассмеялся.

— И что у нас за народ! Уж некоторые ведь, шут их знает, куда уехали, аж за Волгу. И от деревень их один травинка бугры остались, хоть раскопки, как в Помпеях, провозили — где эта деревня была? Так нет, на голое место придет, шагами размерит и на том же месте, где его изба стояла, новую поставит норы. Да еще что-то в ту же сторону фасадом! Не могли же в другую сторону фасадом повернуть! Иной раз уговариваем — две трети деревни в одну свести, легче строить. Спорят, не хотят, Теснота боится. Плодятся и множатся на старом месте рассчитывая. И что им дала эта Смоленщина? Ну, скажи пожалуйста, что в ней такого особенного? А? Нет, серьезно! Вплоть тебя серьезно спрашиваю, что в ней такого особенного? Басаргин задумался. В самом деле, что в ней такого особенного, в этой Смоленской земле? Не была она ни красотой против других мест, ни богатством, ни щедростью. И, однако, и сейчас, зимой, когда он ехал сюда из Москвы на поезде, и летом сорок первого года, когда он пешком отступал — было в этой земле что-то особенное, подерживающее равновесие его души. То есть нет, не так. Было в этой земле что-то такое, что бесконечно волновало его душу, и в то же время именно здесь душа его была на своем месте.

Что же все-таки это было? Детская ли привычка или чувство своей обязанности именно перед этой землей — все поставить на ней на свое место и украсить ее новой красотой, не нарушая красоты вечной, природной.

А люди, что возвращались сюда из-за Волги и рубили избы именно на старых местах? Разве это только привычка или упорство? Скорее — это чувство своей силы и способности к возрождению, способности снова заполнить опустошенную землю, всю без остатка, своими полями, домами, семьями, детьми, внуками, своим шумным, разнообразным счастьем большого и могучего народа.

В первую секунду, когда Григорий Фаддич заговорил о тех, кто возвращается и не хочет соединить три деревни в одну, Басаргин подумал: «Что же, может, и в самом деле они неразумно поступают». Но сейчас, вспоминая, с каким чувством он сам вышел здесь, в Пухове, из вагона, он понял, что если трудно себе представить, что города, где ты родился, нет, что он в прахе и развалинах, то уже совсем невозможно связывать с мыслью, что его и не будет на этом месте — белее сейчас или богаче потом, но именно тут и нигде больше.

— Слушай, Григорий Фаддич! — Он облокотился на стол и заглянул в глаза зятю. — Любишь ли ты эти места?

— Лен тут хорошо родится, ох, хорошо родится! — с какой-то неожиданной почти даже мечтательностью сказал Григорий Фаддич, должно быть, с другого, своего конца пододвигая к той же мысли, что и Басаргин. И добрая, теплая искра сверкнула в его глазах.

«Вот в этом-то мы сходимся!» — подумал Басаргин, радуясь, что есть, наконец, хоть что-то, в чем они сходятся.

— А в Америке лен сеют? — спросил Григорий Фаддич.

— Не знаю — с запинкой сказал Басаргин, — кажется, нет. А впрочем, может и да. Ну тогда, наверное, мало: льняные изделия там, во всяком случае, очень дорогие.

В новой повести К. Симонова «Дым отечества» рассказывается о том, как советский инженер Басаргин после почти трехлетнего пребывания на работе в Америке возвращается на родину. Рассказывается о влюбленном за границей, сохранившем дух своего детства, инстинктивно составляющем содержание повести. Встреча героя с родителями по возвращении домой, беседа с ними еще раз подчеркивают патристическую идею произведения.

Ниже мы печатаем отрывок из повести «Дым отечества».

— У нас теперь тоже дороги, у нас теперь все дорого. Плохо живет народ, голодуют в этом году.

Григорий Фаддич зачерпнул в вазочке новую ложку варенья, потом раздумал, ткнул ложку обратно в вазочку и откинулся на спинку стула.

— Ну, вот ты осуждаешь, дескать, людям трудно жить, а он выворачивается. А ведь поэтому и выворачивается, что трудно жить. Сам, Елена, трое своих. Да Шурика — нет-нет да и придет из Смоленска подкормиться. Он вроде как с матерью повариться присаживает — у него со мной «контакт», а на деле подкормиться присаживает. Потом мать, — ну, извини, — везет Катя с Гришкой, Конечный, и мать и она считают, что вносят свое, но не разные же мы харчи в доме держат! Окружью. Да а Костроме тещку подерживаю — одна из всей моей родни осталась. Как памятник. Вот и приходится вертеться, делать непонятное: ты — мне, я — тебе; ты мне мяса по казенной цене полтушки, я тебе — сарай для хранения того же мяса. Плотников сперва к тебе на сарай заряжкая, а потом суд дотраивать будем. Судья — человек для меня беспозвоночный.

— А வருд судить тебя будет? — усмехнулся Басаргин.

— Нет, — рассмеялся Григорий Фаддич, — меня судить будут в областном масштабе. Если будет, конечно.

— По-моему, когда-нибудь будут, — сказал Басаргин.

— Возможно, — неожиданно, вовсе не рассердившись, согласился Григорий Фаддич, — все возможно. А за что, в сущности? Возьмем хоть этот случай. Сарай строил казенный, для казенного хранения казенного мяса, для госторгонки Суд нужен. Но и сарай этот тоже нужен. Ну, по-лучаю за это мясо. Но я же его не перепродаю. Я люблю, чтобы люди кругом меня хорошо жили; всем, кто мне прилепился, чтобы им хорошо было.

Он сказал это искренне и в то же время желая, чтобы Басаргин почувствовал себя обязанным ему за Катю и Гришку. Сказав это, он сделал паузу. Басаргин тоже молчал и с досадой думал, что так оно и есть и что в самом деле Григорий Фаддич, при всех своих недостатках, всегда был для родственников человеком добрым и широким, не копейничавшим.

«Надо будет поскорее забрать Катю и переехать отсюда», — подумал он. — И матери тоже».

Подумав о матери, он вспомнил, как он плохо умеет улаживать сам и что, наверное, матери по-житейски будет гораздо хуже с ним, чем с Григорием Фаддичем.

«И все-таки заберу», — решил он, — для матери главное не это».

А Григорий Фаддич, колесом завертел на пальцах четки, что было у него признаком волнения, сказал, повысив голос:

— А судить меня, голубчик, не будут; я, как это у вас говорится, продукт времени, когда всего недостает, от подметок до кирпичей. А больше всего людей недостает, рук. Дай мне условия нормальные, когда все асуду будет, когда человеку ничего доставать не нужно будет, когда все вдоволь, и подволи после этого под меня все морали — выйдут из них четкий, как голубь. Я сам моралист бау. Святой! А когда в таких условиях работаешь, как я, когда ничего кругом нет и когда, чтобы работать и чтобы жить, каждый день ловить надо, — тогда ты с меня спроси: раба, а про морали не спрашивай: я их в лобард на хранение сдаю, до лучших времен.

«До лучших времен!» Басаргин вспомнил Григория Фаддича таким, каким тот был до войны. Что же, и тогда тоже многое было не легко и бывали трудные времена, и Григорий Фаддич примерно делал то же, что и сейчас, и говорил об этом так же, пожалуй, только с меньшим остревением. Но тоже где-то доставал гвозди, менял на лес, был незаменим, строил себе под Смоленском чуть ли не усадьбу. Все то же самое.

«Ну вот, будут лучшие времена, — подумал Басаргин, глядя на Григория Фаддича, — не нужно будет ничего доставать, хитрить, строить быстрее других за счет своей изворотливости и связей. Это будут беззлобно лучшие времена. Но окажется ли они лучшими для человека, сидящего сейчас напротив него? Не потускнеет ли он в этих нормальных условиях, когда талант оборотистого дельца уже ничего не прибавит к его качествам строителя? Ведь сам по себе, просто как строитель, он — средненький, ничто особенного. И окажется, что это лучшее для всех время — для него вовсе не лучшее, а лучшим для него временем как раз и было это, самое трудное для всех, нынешнее».

«Да, все верно. Именно так», — подумал Басаргин, мысленно придя к этому неожиданно беспощадному выводу.

Успокоив, почти восторг Григория Фаддича в споре с ним были, конечно, следствием того, что тот и сам в глубине души чувствовал нечто подобное, но не желал или не мог сознаться.

— О чем ты думаешь? — спросил Григорий Фаддич, оставив четки и пристально глядя на Басаргина.

Басаргин глубоко вздохнул, словно перед тем как нырнуть и с трудом смичная выражением, сказал то, о чем сейчас подумал.

Григорий Фаддич сидел, странно успокоившись, почти безучастный, со скучающим выражением лица. Смысл того, что говорил ему Басаргин, был слишком опасен: он был в тайках души его где-то все времена, лучше и худшие, хранилось чувство ущемленности тем строем жизни, который окружал его и при котором он не мог быть до конца счастливым.

Его смутно привлекало другое, к чему он успел только чуть-чуть прикоснуться в юности. Но это был тот тайник души, куда он не только не пускал других, но и, не желая бесполезно расстраиваться, сам почти никогда не заглядывал. И сейчас, заперев этот тайник, он не притворялся, но был и вправду спокоен.

«Передо мной сидит просто-напросто недалекий человек», — говорил он сам себе, глядя на Басаргина. И ему тем легче было так думать, что он давно приучил себя считать всех людей, по его понятиям не умеющих улаживать в жизни, недалеких людей. «Недалекый, неумелый человек», — думал Григорий Фаддич. — И, может быть, где-то втайне завидующий моему уменью — вот и все».

«Вот и все, вот и все», — повторил он, мысленно стараясь искренне убедить себя в этом.

— А по-моему, в самые трудные времена и должен человек проявить свои самые высокие моральные качества, — сказал Басаргин. — Вот помнишь картину «Ленин в 1918 году». Там рабочий, Василий, привозит не то десять, не то сто тысяч тонн хлеба из Поволжья в голодающую Москву. Привозит эшелон и падает в кабине у Ленина в обморок от того, что сам он, везя этот хлеб, имел только свою законную пайковку четвертушку фунта. Вот это — революционная высота морали.

— Ну и глупо, — сказал Григорий Фаддич.

— Нет, не глупо, — сказал Басаргин. — Не глупо, а необходимо для победы. А сейчас иные люди все силы и душу вкладывают, чтобы такой эшелон привезти, и привезут, но про то, что им лично, какой бы груз они ни везли, все равно положено только то, что им самим положено, — про это, к сожалению, забудут.

Он хотел продолжать, но встретил взгляд Григория Фаддича, прочел в нем такое скучающее отращение ко всем этим высоким словам, что осекся и замолчал.

— Слушай, — сказал Григорий Фаддич после молчания, — ну, а по советско-американскому, как в Америке людям жить? Лучше или хуже нашего?

— Как кому.

— Это не ответ.

— Как кому. Мне, например, было бы хуже и даже невозможно там жить. А тебе — не знаю, может быть, и было бы лучше.

— Это почему?

— А потому, что «лучше» и «хуже» — слова неопределенные. Разные люди вкладывают в них разный смысл. Разной ценой мы с тобой ценим хорошее и на разное готовы ради него.

— Я ради него на все готов, — сказал Григорий Фаддич.

— Вот именно. И самое хорошее для тебя, это, если бы откровенно, блага жизни, то-есть в конце концов деньги. А для меня они не играют такой роли, чтобы я, например, стал из преподавателя вуза вдруг чистильщиком ботинок только потому, что, — как это ни глупо сложилось, — чистильщики в Москве получают по три рубля с пары и, значит, могут выколотить немалую сумму в день.

— Ну, я бы, пожалуй, тоже в чистильщики не пошел, — сказал Григорий Фаддич.

— Это еще неизвестно, — рассмеялся Басаргин. — Ты же спрашиваешь про Америку. Если бы представить себе тебя при капитализме и предположить, что ты мог бы там, как чистильщик, заработать вдвое больше, чем как строитель, там бы показалась глупым, если бы ты не переменил профессию и не стал чистильщиком. Там, мой дорогой, в девятую девяти случаев из ста уважение приходит и уходит не со способностями, а с деньгами.

— Ты думаешь? — сказал Григорий Фаддич, навалившись на стол. Четки в его пальцах остановились, вздрогнули и опять побежали по кругу.

Басаргин невольно вспомнил когда-то читанные им слова Ленина о том, что страна не та Сухаревка, которую закрыли в Москве, а та «сухаревка», которую надо закрыть в душе человека.

Добродушный и циничный человек, сидевший сейчас против него, был опасен не только сам по себе; он в то же время был как бы чудовищно превеликим отражением всех мелких и маленьких чувств и мыслей самого Басаргина, чувств и мыслей, которые от времени до времени мелькали и в его собственной душе, отражением тех родимых пятен чужого и злого мира, которые все эти тридцать лет медленно исчезали в душах людей. И то, что эти пятна старого мира существовали и в самом Басаргине и он чувствовал это и боролся с ними всю свою жизнь, сейчас особенно ожесточало его против Григория Фаддича.

— Да, — сказал Басаргин, глядя ему в глаза. — Гляжу на тебя и думаю: может ты прав, может быть, тебе там было бы лучше и удобней.

— Ничего, мне и здесь кое-что нравится, — сказал Григорий Фаддич.

— Все-таки, значит, с оговорками принимаешь советскую власть?

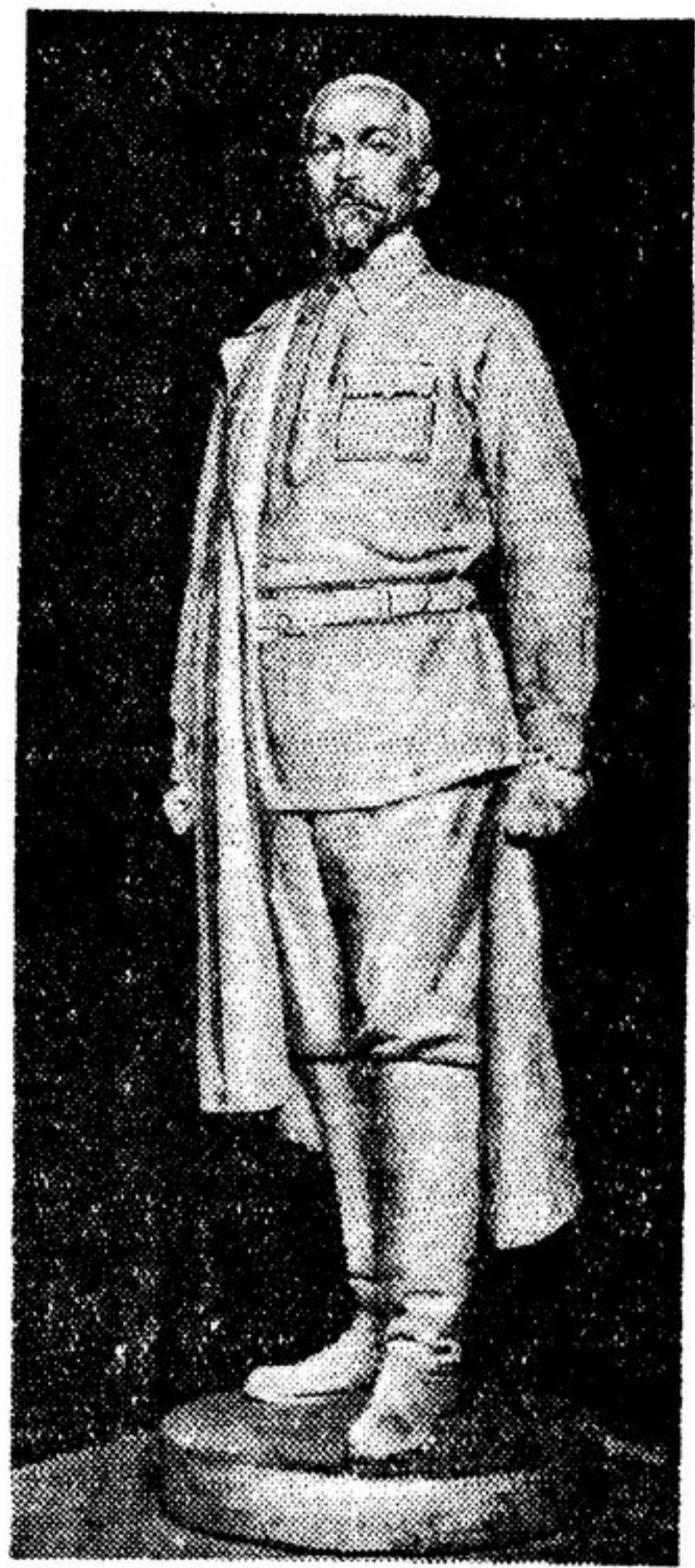
— Принимаю.

— А ведь знаешь, — сказал Басаргин на этот раз скорее задумчиво, чем пражливо, — знаешь, ведь почти все наши друзья с оговорками, — в конце концов, чаще всего оказывались потом врагами.

— Вот как, уже во враги записал?

— Нет, — сказал Басаргин, — сейчас я не столько о тебе, сколько просто вспоминаю последние годы своей жизни. Всяких видел врагов и, однако, мало что из них чувствовал себя врагом впрямую. Выдаю себя, если не за друзей, так за приятелей. Только с оговорками, с оговорочками, с фразами листочками. Так и кажется иногда, что даже если начнут воевать — пойдут через пограничную реку вброд, в правой руке будут держать автомат, а левой вестки прикроют сражное место.

— Ничего сказать, договорились, — сказал Григорий Фаддич, вставая. — Не знаю, по темноте своей, кто куда и как переправляться будет, а когда война подошла к этому дому, взял я, русский человек, не ахти уж какую хорошую трехлинейку и пошел в пехоту. Да не в сорок пятом году, когда берлин брали, а в сорок первом. Вот как. А сам считаешь, как знаешь, шут с тобой. Ложись, отдыхай. Я на работу поехал.

В этом году мною закончен скульптурный портрет Ф. Ф. Дзержинского. Я всегда с глубоким уважением относился к пламенному большевику, человеку кристальной души Феликсу Дзержинскому. Твердость, решимость, воля, стремление — вот те качества, которые и пытались передать в его портретной фигуре. Скульптурный портрет Ф. Ф. Дзержинского принят на Всесоюзную художественную выставку. М. Г. МАНИЗЕР.

Празднование 30-летия Октября в славянских странах

Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции вместе с советским народом широко отмечают и народы братских славянских стран. В Славянском комитете СССР нам сообщили о праздновании октябрьского годовщины в Югославии, Польше и Болгарии.

В Югославии уже сейчас происходят массовые митинги, устраиваются лекции и вечера, организуются радиопередачи, посвященные знаменательной дате.

Близжайший номер журнала «Славянское братство» (орган Славянского комитета Югославии) целиком посвящается тридцатилетию юбилею советской власти. Югославия и СССР» выпускает к празднику серию брошюр под общим названием «Тридцать лет страны социализма». Уже вышли в свет брошюры «Сталинские пятилетние планы», «Советская наука на новом этапе», «Печать и издательская деятельность в Советском Союзе» и другие.

Ряд книг к юбилею выпускает болгарское издательство «Культурта». Среди них работа В. П. Ленина «Государство и революция», сборник сочинений В. П. Ленина и И. В. Сталина об Октябрьской революции, сборник «Великая Советская Родина». Праздничным подарком югославским читателям будет выпуск первых четырех томов собрания сочинений Максима Горького.

1 октября в Польше открылся организованное Обществом польско-советской дружбы месячник культурного обмена с СССР. В нем участвуют политические и общественные организации Польши, профсоюзы, Комитеты крестьянской взаимопомощи, союзы польских учителей и демократической молодежи и другие организации.

Во всей стране демонстрируются советские кинофильмы, в школах проводятся лекции и специальные уроки, посвященные Советскому Союзу и значению Октябрьской революции для демократической Польши, организуются концерты и вечера, на которых выступают советские музыканты, артисты, писатели. В числе книг, издаваемых в Польше к юбилею, — произведение Ленина и Сталина, советская художественная литература.

В Болгарии для проведения празднования образован Венародный комитет. В Софии на площади «9-го сентября» недавно был устроен многолюдный митинг, посвященный годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

С большим успехом проходит сбор средств на постройку величественного памятника воинам Советской Армии, павшим в борьбе за освобождение страны. Тридцатилетие Октября является темой многих собраний, театральных постановок, выставок, докладов и радиопередач, проходящих в настоящее время по всей Болгарии.

ГЕРОИ ОКТЯБРЯ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). К 30-летию Советского государства Ленинград выпускает собрание документов «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде в 1917 году», подготовленное Ленинградским областным архивом Октябрьской революции и социалистического строительства. В том же издательстве вышел в свет сборник «М. И. Калинин и питерские рабочие».

Книги, выходящие в серии «Герои Октября», посвященные биографиям питерских рабочих — героических участников Великой Октябрьской социалистической революции, имена которых носят сейчас многие улицы и предприятия Ленинграда. В серии «Герои Октября» издаются уже биографические книги: «Иван Газ», «Иван Воинов», «Яков Калинин». Находятся в печати биография Семена Воскова, Конкордия Самойловой и Александры Скоколовой.

Вышли в свет брошюры: «Ленин и Сталин — организаторы и вдохновители Октябрьского вооруженного восстания» и «Ленинград — город трех революций».

Она является, этот Врл... это всего-навсего такой, знаете, забавный аркадийский пастушок... и Итон, и Барис, и Буллит, и Дин, и Бурж, и Харвуд, и Черыль... все это аркадийские пастушки, такие простодушные, которые просто напечатывают какие-то невинные вещи... (Из выступления А. Я. Вышинского).

АРКАДСКИЕ ПАСТУШКИ И ИХ СТАДО.

У солдат генерала Маркоса

В дни работы комиссии Совета Безопасности в Греции некоторые из членов комиссии извещали желающих встретиться с генералом Маркосом, верховным главнокомандующим греческой демократической армией. Делегаты США и Англии наотрез отказались от этой встречи, — она совершенно не соответствовала политике их стран. Все же, по настоянию ряда делегатов, встреча состоялась. Она происходила на освобожденной территории, в большом селе Кастанофита, без участия официальных представителей США и Англии.

Членам комиссии и сопровождавшим их корреспондентам, в том числе американцам и англичанам, много пришлось удивляться на свободной греческой земле: дисциплинированности демократической армии, выправке и внешнему виду, а, главное, героизму ее солдат и офицеров. Легко догадаться, что некоторым иностранным корреспондентам все это было весьма неприятно. Все же, делая хорошую мину при плохой игре, они интересовались подробностями жизни руководителей демократической армии. Иногда они пытались даже острить — и притом, достаточно неудачно.

Когда корреспонденты распознали в ответившем им доме, пятнадцатилетний партизан Афанас Климакис принес им воду и стаканы. Разговорился. Оказалось, что парнишка — из Македонии, воюет уже больше года, и основной причиной, побудившей его стать партизаном, было убийство старшего брата.

— Кто же убил твоего брата? — спросила американская корреспондентка мисс Сокрыс.

На это пятнадцатилетний партизан искренне, от души ответил:

— Король и Черчилль.

Ответ вызвал громкий, но не очень естественный смех английских и американских журналистов. Корреспондент Уолтер начал острить:

— Король своими руками убил его? Ну, да. А Черчилль ему помогал, свету держал. Однако мальчик оказался умнее и дальновиднее Уолтера. Его ответ, полный достоинства, прозвучал, как пощечина:

— Король, его покровитель и его наемники это одно и то же... Я думаю, что главную ответственность за убийство несет тот, кто командует.

В комнату корреспондентов вошел высокий худой офицер демократической армии. Он вмешался в разговор:

— Корольские наемники летом 1945 года убили этого мальчика брата. За что? За то, что он боролся против немцев. Греческие власти считают это преступлением даже в те дни, когда Советская Армия дралась на подступах к Берлину.

Офицер назвал себя: Георгиос Янулис, командир отряда демократической армии. Корреспондентам рассказывали в Солуе, что голова этого офицера опечена в большую сумку монархическим правительством. Они попросили Янулиса сообщить кое-какие сведения о себе. Ему 31 год, он окончил юридический факультет Афинского университета. С 1939 года на военной службе. Был ранен на албанском фронте в боях с итальянцами и дважды представлен к награде. До войны состоял в рядах ЭЛАС, но 23 февраля 1945 года, по соглашению в Варкизе, сдал оружие, как и все его товарищи.

Генерал МАРКОС

Армия и ее полководцев

«...Это было где-то в Македонии, среди диких гор. Зеленые и красивые скалы на вершинах порезаны глубокими и черными оврагами. Я иду по тропинке над ущельем, на дне журчит желтый холодный поток. Внезапно за поворотом открывается каменистая площадка и тропинка, ведущая к старому серому дому, перед которым ослепило солнце, иду под пологом его тени, и чистят ружья, пулеметы, автоматы. Это партизаны. Все произошло с молниеносной быстротой. Часовой, не свояа газа с моего левого плеча, где блещет трехцветная ленточка, спрашивает меня: «Галлос?» (Француз?) Я отвечаю: «Не» (Да). Он схватил мою руку, до боли сжал ее и закричал: «Да здравствует Франция!» Партизаны всколыхнулись, и из груди греческих патриотов вырвался крик: «Зито и элэфтери демократики Галлия!» (Да здравствует свободная демократическая Франция!). Часовой неожиданно отпустил мою руку и, выткнувшись, застыл. Раздались звуки «Марсельезы», которую вдохновенно и горячо запели сто партизан. И я замечаю, что плачу...»

Так рассказал о своей встрече с греческими партизанами один из французских журналистов, посетивший территорию Свободной Греции и опубликовавший в Париже книгу о демократической армии.

Год назад, 28 октября 1946 года, была образована демократическая армия Греции. Благородные цели в героизм демократической армии уже завоевала всеобщее признание. На страницах мировой печати все чаще и чаще появляются статьи, дающие оценку замечательным качествам этой армии национального сопротивления. Английский журналист Барбер писал в январе этого года: «Мы прибыли в район Свободной Греции и вступили в горную пещеру Витис, где 20 тысяч крестьян живут под знаменами демократической армии. Мы были первыми англичанами, посетившими эту армию, лозунгом которой является:

«Пусть англичане уйдут». Высокое моральное состояние, образованная военная правая и дисциплина партизан, — подчеркивает Барбер, — удивили нас. Партизаны хорошо одеты и неплохо вооружены. В Дросопити я видел 300 партизан среди населения, насчитывающего 700 человек.

Большой любовью и уважением среди греческого народа пользуется командующий демократической армией генерал Маркос.

Он родился в 1906 году в Малой Азии. Рано оставшись сиротой, он вынужден был уже с 11 лет начать работать, сперва каменишкой, затем сельскохозяйственным рабочим, чтобы прокормить себя и своих младших братьев. В 1924 году он бежал в Грецию вместе со всем греческим населением, которое было изгнано турками из Малой Азии. В том же году Маркос вступил в комсомол. Маркос работал на табачных предприятиях в Кавале и Македонии. В 1926 году он был призван в армию и стал сержантом кавалерии. С этого времени он начинает особенно интересоваться военным искусством, которое мечтает поставить на службу народу.

После демобилизации он выдвигается как деятель профсоюзной и демократической организации и подвергается постоянным преследованиям со стороны полицейского режима, существовавшего в Греции со времени первой мировой войны.

С 1930 года Маркос, как коммунист, ведет по поручению партии большую и неутомимую работу в массах. В течение более чем десяти лет, между 1927 и 1938 годами, жизнь Маркоса складывалась из пребывания в тюрьмах, побегов и работы в подполье. В 1938 году фашистский диктатор генерал Метаксас высылает его на пустынный и отдаленный остров Крита. Здесь застает его война. В момент, когда Муссолини напал на Грецию, он требует вместе с другими ссыльными демократами, чтобы его послал на фронт. Диктатор Метаксас отвергает ходатайство

для массовых убийств антифашистов в Греции. Эти убийства они совершали с помощью прелатов. Другого выбора не было. Кто еще мог бы на это пойти?

Серафим был приговорен греческими патриотами к смерти и казнен. В конце августа 1945 года бежал из Козани, где мисс грозила опасностью. Человека, у которого я спряваюсь, арестовали на улице. Меня предупредили об этом буквально за несколько минут до прихода жандармов.

Я бежал на Грамос. Местные крестьяне знали меня еще со времен борьбы против немецких оккупантов. Некоторые села, в которых я спряваюсь, свободны и сейчас. А с сентября 1945 года до выборов в марте 1946 года я жил здесь, в Кастанофите, в доме Кристиоса Паанастиаса.

— Когда и от кого вы получили приказ формировать отряд? — спросил Уолтер. — Вы, по всем данным, коммунист. А коммунисты — дисциплинированные люди, ничего не делающие без решения высших партийных органов, без их согласия.

— Кто вам сказал, что я член коммунистической партии? — удивился Янулис. — Если вы спросите, согласен ли я с программой этой партии, то я отвечу: да, согласен. Но дело не в том, коммунист я или нет, хотя неплохо быть последовательным демократом и патриотом, какими являются коммунисты. Я отвечаю на ваш главный вопрос. Я начал борьбу против правительства реакционеров с простой самозащиты. Внезапно и без всяких приказов. Под вечер меня и двух товарищей остановили на дороге жандармский патруль. Нас задержали, а мы были безоружными. Что делать? Ждать приказов? Нет! Я схватил жандарма за шиворот, и мои товарищи сделали то же с двумя другими. Каждый разоружил жандарма. После этого у нас оказались два ружья, автомат, револьвер и четыре гранаты. Это и было началом организации отряда.

В первом бою, где принимал участие мой отряд, больше половины бойцов были вооружены вилами. Теперь мы имеем армию, одетую и вооруженную всем необходимым... Оружие, как и все партизан, мы добываем в боях, захватывая его у врага.

Долго ели иностранные корреспонденты «с пристрастием» допрашивали Янулиса. Особенно усердствовал Уолтер. Ему хотелось убедиться в том, что руководители демократической армии прибыли из-за границы и действуют по чей-то указке, а не являются греческими патриотами, сражающимися во имя защиты интересов родной страны. Но Янулис без труда разоблачил намерения Уолтера.

Вскоре приехал генерал Маркос, молодой, волевой, талантливый главнокомандующий армии греческих демократов.

Корреспондентам Маркос заявил: — Я все время чувствую, что демократические народы с большой симпатией относятся к борьбе, которую ведет и будет вести греческий народ. Я убежден в нашей победе, потому что непокорный народ, с такой энергией, мужеством и умением борющийся за свою независимость. Я черпаю свою уверенность также из славного прошлого и настоящего советского, югославского и других свободлюбивых народов, которые шаг за шагом кутят...

М. СМЕЛЯНОВ.

патриота Маркоса. После того как Греция была оккупирована немцами, Маркос улетел бежать с острова Гавдос. Участвуя в движении национального сопротивления, он был одним из организаторов ЭАМ и ЭЛАС, в рядах которого он сражается, как командующий Македонским корпусом.

С 1941 года Маркос сражается в партизанских отрядах. Он вырос в крупном полководца демократической армии. Греческие фашистские власти объявили, что тому, кто убьет генерала Маркоса, будет выплачено вознаграждение в сумме двадцать миллионов драм.

Вот портрет Маркоса, нарисованный одним французским журналистом: «Я видел его в демократических газетах Афин фотографией генерала Маркоса, но я никогда не думал, что встречу с таким молодым, жизнерадостным и симпатичным человеком. Хотя он казался, что ему 41 год, я дал бы ему не более 35. В отличие от большинства греков его возраста, в его темнокаштановой шевелюре нет ни одного белого волоса. Темнолубые глаза, густые греческие усы — вот лицо Маркоса. В день нашей первой встречи на нем был мундир греческой армии цвета хаки без всяких знаков различия или нашивков, за поясом — револьвер, биполюк на ремне, кавалерийские ботинки и коричневые сапоги».

На вопрос, каковы задачи демократической армии, Маркос ответил: «Демократическая армия сражается за независимость страны и несет свободу народу. Она решительно сопротивляется иностранной оккупации страны. Она не признает никакого иностранного вмешательства во внутренние дела Греции. Она дает возможность народу быть хозяином своей страны и свободно избирать режим по своему желанию».

Под знаменем демократической армии Греции стекаются сыны и дочери народа; его не сломили немецко-итальянские захватчики и не победил монархо-фашистская клика, которой так усердно помогают англо-американские экспансионисты.

К. КАРВОНИДИ.

Гектор Макнейл, защитник терпимости

Гектор Макнейл, делегат Великобритании на Генеральной Ассамблее ООН, объявил себя защитником терпимости.

Большевики в глазах Макнейла — люди грубые и нетерпимые; они не склонны, например, терпимо и спокойно относиться к поджигателям войны.

Другое дело, конечно, Макнейл. По его словам, путем длительного самоусовершенствования, на основе опыта работы в английской печати и в английском парламенте он приучил себя к полной терпимости.

Поговорим о качестве терпимости мистера Макнейла.

Начнем с того, что Макнейл в высшей степени терпим по отношению к себе. Простые рабочие — члены лейбористской партии — порой проявляют нетерпимость по отношению к странному поведению г. Макнейла. Да будет ведомо советскому читателю, что Гектор Макнейл — журналист по профессии. В качестве такового Макнейл много лет сотрудничает в антикоммунистических органах печати, принадлежащих лорду Бивербруку. На работе у этого газетного магната, открытого противника социализма, Гектор Макнейл откладывает в сторону, как чертешки, свои лейбористские программные взгляды и делает свое профессиональное дело сотрудника желтой прессы. Затем изредка, раз или два раза в месяц, Гектор Макнейл, отбрасывая на собрание своих избирателей в Грин-парк, вновь надевает свои «идейные чертешки», то-есть «вооружается» своими взглядами, и усердно полемизирует с Бивербруком и его печатью.

В объяснение этого принципа поведения г. Макнейла и во имя терпимости по отношению к нему мы позволим себе вспомнить сравнение, проводимое Лесковым между продажными писками и проститутками. Возможно, г. Макнейл не читал Лескова, а это было бы ему полезно.

Лесков указывает, что бедная женщина, которая зарабатывает свой хлеб позорной продажей своих ласк, имеет, по крайней мере, преимущество готового заказа: за нее природа с ее неутомимыми требованиями и разнузданным общественным страстьем. Для продажного писки в капиталистическом мире мало одной готовности торговать совестью и словом: он должен сам постоянно спекулировать своими писаниями. Отсюда, пишет Лесков, и идет всякое вероияте превосходящая ложь, продаваемая в самых крупных дозах за самую дешевую пену.

Макнейл радуется за «свободу печати», понимаемую им как свободу злоупотребления печатью для пропаганды войны, как свободу слова для поджигателей войны. Макнейл терпим к такой свободе слова.

Во вспомним о нетерпимости г. Макнейла к подлинной свободе слова.

С 1942 по 1945 год Макнейл был парламентским секретарем министра Ноэль-Бойкера, то-есть малым участником правительственной коалиции во главе с Черчиллем. Господин Макнейл принадлежал, таким образом, к правящему кругу и был почти малаозаметной, но все же спиной в черчилевской колеснице.

Так вот, в 1941 году правительство, в лице Черчилля и министра внутренних дел лейбориста Моррисона, запретило издание единственной коммунистической газеты в Англии — «Дейли уоркер». Терпимый г. Макнейл ни одним словом не возразил против этого решения. Он, в числе других, взял на себя полную за него ответственность. Когда беспартийные члены союза журналистов в 1941 и в 1942 годах требовали снятия запрета с «Дейли уоркер».

Вот другой пример, на этот раз свидетельствующий о том, что забывчивость или терпимость Макнейла связана с его безразличным отношением к крови, пролитой его соотечественниками.

Выступая против принципа единогласия великих держав в ООН, Макнейл упрекал СССР в нетерпимости по отношению к Эйре. Макнейл заявил, что Эйре — мирное и добродетельное государство и что оно должно стучится в двери ООН, причем против приёма Эйре, неизвестно по каким соображениям, возражает СССР.

Американский наместник в Греции

Глава американской миссии «помощь» Греции Дуайт Грисулд является сейчас всевластным наместником в этой стране. Он смещает и назначает греческих министров, заменяет греческого короля в переговорах с лидерами политических партий, меняет высшее греческое командование. Его назначение на этот ответственный пост, мягко выражаясь, «удивило» граждан американского штата Небраска, где он был ранее губернатором и прославился, главным образом, своими кутежами и искусством игры в покер.

Из-за своей незавидной репутации Грисулд с греском провалился на прошлогодних выборах в сенат, несмотря на поддержку Гарольда Стасена. По поводу его управления штатом глава местной организации демократической партии Джеймс Кингли заявил недавно: «Последние расследования показали банкротство и отсутствие общественной морали администрации, руководимой Грисулдом. Ни одна другая администрация не управляла так плохо штатом Небраска». Но когда организация демократической партии штата запросила Вашингтон, на каком основании именно Грисулда предпочли всем другим кандидатам на пост наместника США в Греции, последовал ответ, что он «назначен ввиду его особых административных талантов».

Банкрот в области общественной морали и завязый игрок в покер — это как раз и есть тот человек, кому — по мнению Вашингтона — пристало быть американским наместником в Греции.

ФИЛЬМ О СОВРЕМЕННОМ БЕРЛИНЕ

Итальянский кинорежиссер Роберто Росселини, известный советскому зрителю по картине «Рим—открытый город», снимает по своему сценарию новый фильм «Берлин в году тысяча...». Это фильм о жизни города развалин. Герой картины — маленький мальчик, сын циркового наездника.

Росселини остается верен своему обычному методу работы: исполнитель для картины он ищет на улицах, в кафе и ресторанах, на рынках Берлина.

На вопрос представителя печати, думает ли он посетить Голливуд, Росселини ответил: «Оскребино говоря, Голливуд меня не очень привлекает. Я считаю, что там творческие силы художников парализуются алчностью предпринимателей».

г. Макнейл не участвовал в этих протестах.

Когда, под давлением масс, правительство Черчилля вынуждено было, спустя почти два года после запрета, все же разрешить издание «Дейли уоркер», по отношению к коммунистической газете осуществлялась всеобщая дискриминация.

«Дейли уоркер» ратовала за открытие второго фронта в Западной Европе, тогда как Черчилль и терпимый г. Макнейл были против этого и стремились обескровить Советский Союз. Поэтому терпимость г. Макнейла обращалась в нетерпимость по отношению к коммунистической газете. «Дейли уоркер» ставила в самое невыгодное положение при выдаче бумажного паёка, чего нельзя сказать о газетах Бивербрука — Макнейла. Мало того, «Дейли уоркер» не позволяли посылать корреспондентов на театры военных действий — ни в Африку, ни в Италию, ни во Францию, тогда как такое разрешение давалось всем газетам буржуазного лагеря.

Зато был другой случай в раиней правительственной практике г. Макнейла, когда он и его коллеги обнаружили предельную терпимость.

В 1943 году, по распоряжению партийного коллеги Макнейла — министра внутренних дел Моррисона, был вышущен из тюрьмы фашистский лидер Освальд Мосли. Предлогом послужила болезнь, от которой, по словам Моррисона и по усердию Макнейла и других лейбористов, фашистскому лидеру во то бы то ни стало следовало оправдаться. Спешим объяснить, что Мосли совершенно оправдана, если вообще он когда-либо и был болен: он принимал деятельное участие в организации погромов в еврейских кварталах Лондона и Ливерпуля в 1947 году, а на досуге успел настроичить и выпустить книгу «Альтернатива». Теперь терпимость коллег г. Макнейла и его самого, произведенного уже в государственные министры, по отношению к Мосли и другим британским фашистам неуком продолжаетеся...

Гектор Макнейл специализируется сейчас на выступлениях в международной области. Здесь его терпимость проявляется по отношению к такому, например, явлению, как сотрудничество с фашизмом.

А. Я. Вышинский огласил на Генеральной Ассамблее ООН документы о желании правительства Турции в 1942 году «уничтожить половину человеческого потенциала России». Макнейл, взяв на себя роль адвоката Турции, назвал людоедское намерение Сараджогу «намерением некоторых малых государств извлечь для себя пользу из военных действий между великими державами». Какая мягкость в выражении! Какое изящество оборотов! Какая снисходительность к людоедским, палаческим аппетитам Сараджогу! Макнейл в высшей степени терпимо относится к намерению уничтожить половину населения России. При этом он никак не жалеет и вспоминает о том, что ценою русской крови спасена была Европа, спасена была Великобритания.

Но вот другой пример, на этот раз свидетельствующий о том, что забывчивость или терпимость Макнейла связана с его безразличным отношением к крови, пролитой его соотечественниками.

Выступая против принципа единогласия великих держав в ООН, Макнейл упрекал СССР в нетерпимости по отношению к Эйре. Макнейл заявил, что Эйре — мирное и добродетельное государство и что оно должно стучится в двери ООН, причем против приёма Эйре, неизвестно по каким соображениям, возражает СССР.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ЧЕМПИОН ОБЖОРСТВА

Недавно в Атлантик-Сити некая миссис Эдна Лэмб получила звание чемпионки США по скорейшему поглощению морских моллюсков. Она проглотила за полчаса 186 моллюсков, побив этим установленный в прошлом году национальный рекорд в 156 штук за 30 минут. («Ньюс-уик»).

В СТРАХЕ ПЕРЕД ЧАПЛИНЫМ

Владельцы кинотеатров штата Огайо обратились ко всем владельцам кинотеатров Америки с призывом бойкотировать — в знак протеста против самой личности и убеждений Чаплина — его новый фильм «Месье Верду» и не эксплуатировать «драгоценное время зрителей в интересах благополучия».

«ДЕЛО ЛИФАРА»

Французская печать в последнее время уделяла много внимания «делу Лифара». Серж Лифар известен во Франции не только как балетмейстер и танцовщик, но и как коллаборационист. Специальным решением комиссии по чистке он был лишен права работать в национальном французском театре оперы и балета — в «Гранд опере». Игнорируя это решение, дирекция оперного театра пригласила вернувшегося недавно из Америки Лифара в качестве руководителя балета, обусловив, однако, что сам он, как танцовщик, на сцене не будет появляться.

Балетный сезон в опере должен был открыться спектаклем в постановке Лифара. Но открытие театра не состоялось. Публике было объявлено, что рабочие сцены, осветители и режиссеры отказались обслуживать спектакль.

Министр по делам искусств Пьер Бурдаль пытался уладить это дело, но рабочие решительно возразили против покровительства, оказываемого администрацией театра «фашистским шутам».

Прошла неделя. В театре ничего не изменилось. Лифар попрежнему руководил балетом. Администрация, рассчитывая на «благоразумие рабочих», снова назначила спектакль. Уже за несколько часов до начала спектакля публика заполняла вестибюль, лестницы и площадь перед театром.

В установленный час двери театра не открылись. На лестнице появились два представителя от балетной труппы в форме и костюмах и заявили, что рабочие продолжают бастовать, но они, артисты, готовы выступить в спектакле без декораций. Все же через несколько минут администрация вынуждена была объявить, что спектакль не состоится, так как театр погружен в темноту.

«УВАЖАЮЩАЯ СЕБЯ ГАЗЕТА»

Выходящий в штате Айдахо американский еженедельник «Стар» начал недавно печататься на листах значительно большего размера. Какими побуждениями руководствовалась редакция, вводя это новшество? Может быть, она решила, «не считаясь с затратами», полное удовлетворить возросшие духовные запросы своих читателей? Нет, оказывается, ее мотивы были совсем иного порядка. Сообщая об увеличении своего журнала, газета пояснила, что с радостью ищет навстречу пожеланиям многих подписчиков, «жаловавшихся, что прежний формат не позволял завернуть бутылку виски».

Об этом факте рассказала французская газета «Монд» в своем номере от 3 октября.

ФЛОБЕР ЗАЧИСЛЕН В ПОРНОГРАФЫ

Издание «Мадам Бовари» навлекло некогда на Флобера судебное преследование за «оскорбление общественной нравственности и религии». Этот случай считался образцом маркобесия, позорящего цивилизованную страну. Но не так давно итальянское правительство «христианского демократа» де Гаспери внесло произведения Флобера в число книг, издание которых должно быть запрещено цензурой. «Мадам Бовари» фигурирует в этом списке на почетном месте в рубрике «порнография».

Однако де Гаспери, столь желающему угодить Ватикану и неустамно, не удалось побить рекорд ханжества. Его успешно опровергает у него правительство Южно-Африканского Союза, запретившее издание и распространение произведений Рабля.

ВЕГЕТАРИАНСКИЕ ПАРТИИ

Недавно в Нью-Йорке 500 делегатов «Естественной ассоциации» образовали «вегетарианскую партию» и выдвинули своего кандидата в президенты на выборах 1948 года. Это — некий Джон Максвелл, 84-летний владелец чикагского вегетарианского ресторана, не вкашущий вैसे уже в течение 45 лет. Максвелл надеется собрать 5 миллионов голосов: из них 3 миллиона, принадлежащих вегетарианцам, и остальные — сторонникам запрещения спиртных напитков, противникам курения и другим лицам, придерживающимся подобных же высоко моральных принципов...

КНИГА МАТЕРИ

«Он любил все: небо, шахматы, Днепр, хинди, звезды, школу, товарищей, географию, родной дом, цветы и футбольный матч, книги и кино, историю и математику, возню с ребятами и стрельбу в цель, животных, рыб, птиц, лопату и мотокот в своих руках. Любил все настоящее и интересное, дружное и красивое. Наслаждался учебной и трудовой, теплом от костра, песней и музыкой».

Эти строки из книги Елены Николаевны Кошевой «Повесть о сыне» — и, пожалуй, именно в этих строках главный подвиг этой книги, книги о том, как в трудовой советской семье рос хороший мальчик, о том, какое чудесное, веселое, красивое детство у него было, как полюбил он свою родину, ее богатую природу, ее великую историю, ее вдохновенную борьбу за народное счастье, ее большие мечты и точные задачи. Большая, сознательная, всыскательная любовь к жизни, к людям, к родине — вот истинная сущность Олега Кошевого, шестнадцатилетнего комиссара Молодой гвардии. Так ярка и значительна эта любовь, что и в трагическом финале судьбы Олега звучит высокой оптикой и жизнеутверждением, ибо и самая гибель его во имя этой любви — это не конец, а продолжение жизни — бессмертие.

Олег Кошевой — один из любимейших героев нашей молодежи, нашего народа. Со страниц «Молодой гвардии» вышел он в наши сердца, зрелый и живой, написанный смело и просто художником, который, нигде не отступая от великой правды жизни, только ею ведомый и вдохновенный, многое подумал, руководствуясь только одной целью: как можно выпуклее, многообразнее показать своих героев. Именно в этом его, художника, задача, сила и искусство. А как рассказывает о сыне мать, та, которая воспитала и вырастила его, та, которая может быть и не обладает силой художника, но у которой есть другая великая сила, не менее чудотворная — ее материнская любовь?

«Мне легко было растить сына. Мы жили в счастливое время любимого труда и заслуженного отдыха. Сталин на народных праздниках поднимал на руках ребятшек, нашу общую радость. О их будущем забочилась советская власть».

То, что я прочла эти строки именно в книге Е. Н. Кошевой, пришло мне огромное удовлетворение и еще раз вернуло в круг больших радостей, которые замечательная роль сыграла и лично в моей работе. В последние предвоенные годы нам порою приходилось слышать высказывания о том, что, дескать, молодежь наша — народ не очень серьезный, что это люди легкой жизни, не знающие борьбы с трудностями, и что еще не известно, какими они окажутся в борьбе. Мне подобные высказывания всегда возмущали и оскорбляли. Было что-то недоброжелательное и ханжеское в самом ходе развития этой мысли. Бояться счастья, опасаться того, что оно может пойти во вред нашим детям — это казалось мне чудовищным. Я всегда считала, что люди на свете живут для того, чтобы быть счастливыми, и то счастье, которое завоевал наш народ, счастье, общее для всех, счастье народное — это огромная сила, и люди, которые дышат этим счастьем, — это сильные люди, готовые за него идти в бой и выдержать любые испытания. Первые же месяцы войны подтвердили меня в этой вере. Мы узнали имена самых молодых героев — Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Сашки Чокчакина, Александра Матросова, тех самых людей «легкой жизни», не знающих горького детства. Счастливые детство воспитало сильных бойцов; любовь в жизни — надежное оружие в бою за эту жизнь. Но книга Е. Кошевой о ее герое — это о его счастливом детстве не только еще раз подтвердила меня в моей, а теперь уже и общей нашей уверенности, но и дополнила мои мысли. Счастье, счастливое детство может явиться еще в десять раз более силь-

ным средством воспитания сильного, прекрасного, нового человека, если этого человека с первых лет вести по этому счастливому детству, разумно, верно, пристально и внимательно руководя им.

Мать рассказывает о сыне очень просто и бесхитростно — все, что навеки помнит ее сердце, сердце матери, жизнь которой озарена жизнью сына с той первой минуты, как появился он на свет, с той минуты, как впервые задумалась она о том, как будет расти его. Но по тому, на каких эпизодах жизни сына она останавливается, что ей особенно запомнилось и особенно поразило ее, видно, что рассказ ведет не только некая любящая мать, а человек, для которого материнство — это призвание, и дело воспитания ребенка — главное дело в жизни. Елена Николаевна много лет занималась воспитанием детей, она — опытный педагог-воспитатель, а это большой талант.

И встает перед нами радостная и широкая картина воспитания мальчика, который безусловно обладал исключительно хорошими индивидуальными задатками, добрым и отзывчивым сердцем, сместью и чуткостью, отличными способностями, огромной человеческой любознательностью и восприимчивостью, но в котором с малых лет заметны эти хорошие задатки, умело и разумно развивали и направляли их.

Когда мы говорим о лучших наших людях, когда стараемся осмыслить и объяснить природу их прекрасных человеческих качеств, мы часто поднимаем перед собой, как зарывало, вселившую формулировку: «Он был таким же, как сотни тысяч простых советских людей», и так как это всегда звучит убедительно, то нередко полагаем, что этим уже все сказано. Не является ли это бессознательным облегчением задачи, самым легким выходом из положения, попыткой избавить себя от труда исследователя нового типа, новых человеческих чувств и качеств, которые многообразны и глубоки, над раскрытием и объяснением которых нам, писателям, надлежит долго и упорно трудиться.

Иногда бы сказать, что Олег, как это явствует из книги его матери, рос и воспитывался, как сотни тысяч советских ребят, и это было бы бесспорной истиной: мы знаем, что наша страна, советская власть, советская школа создают все предпосылки для того, чтобы воспитывать из наших детей действительно новых людей первого в истории человечества свободного общества, что наша система воспитания предусматривает развитие в ребенке лучших его задатков и склонностей, прививает ему высокие моральные качества. Но мы знаем и то, как часто воспитание, которое ребенок получает в школе, в пионерском отряде, в лучшем детском коллективе, вступает в конфликт с тем, как его воспитывают дома. Давайте говорить прямо: еще немало прекрасных советских людей, беззаветно работающих на благо нашей родины, обходит этот трудный участок — воспитание собственных детей. У некоторых из нас не хватает на это времени, у других — терпения, у третьих — интереса: были бы здоровья, оцеты, оцеты, а все остальное неважно. А потом вдруг замечают уже выросшего человека, который оказывается для родителей полной неожиданностью, и нередко неприятной. «Откуда в нем это?» — недоуменно спрашивают они, и, действительно, не могут ответить на этот вопрос, потому что когда-то, в самые первые годы жизни ребенка, проморгали в нем что-то важное и решающее. А есть среди нас и другая категория родителей, и внимательных и заботливых, да с другими крайностями: работает человек отлично, сил не жалеет на свое любимое дело и решает, что тем самым его ребенок получил право жить в исключительных условиях, не зная ни в чем ни отката, ни недостатка, — и растет в доме эгоист, собственник, которому не легко придется в среде ровесников, которого и школа, и пионерский отряд возьмут в серьезный оборот, чтобы хоть в некоторой мере выжить из него то, что невольно привили ему чрезмерно заботливые родители.

Елена Николаевна — обыкновенная, горячо любящая сына мать, со всеми свойствами обычных матерей тревогами за ребенка, желанием ему счастья и хорошей жизни, но с постоянным контролем над собой, с неуслышным сознанием того, что нельзя для собственного спокойствия лишать сына больших радостей, свободы, общения с настоящей жизнью.

Вероятно, не так уж легко было ей спрятать сыну праздничную матроску, но как только маленький Олег пожелал подарить ее товарищу, которому жилось труднее, мать сама завернула ее в бумагу. Вероятно, спокойнее ей было бы, если бы девятилетний Олег не уезжал один в лодке с правого на левый берег Днепра, но мальчику этого страстно хотелось, он заслужил лодку отличной учебой и получила ее от матери. «Со счастливым, сияющим лицом сел он за весла в свою лодку. Началась дружба со старыми рыбаками — их уроки рыбной ловли, сказки и рассказы тенделими вечерами около ярких костров».

Олег весь пропах дымом, запахом рыбы и осопки. Руки у него огрубели, были в ссадинах. Грудь стала шире... Мать Олега не думала о своем спокойствии, не обкрадывала и не стесняла детства сына, уважала его мечты и желания, и это вызвало в мальчике чувство благодарности, уважения и полного доверия к матери, он всегда знал, что она поймет его и поддержит его. Заручаясь дружбой и доверием сына даже в мелочах, Елена Николаевна не ошиблась — Олег доверился ей и в большом. Когда настали дни великих испытаний, став в 16 лет взрослым, подпольщиком, солдатом. Олег открыл ей большие решения свои и своих друзей и, в свою очередь, не ошибся. — Елена Николаевна, как всегда, поняла сына, не попыталась отговорить его, увести, спрятать от жизни, которая могла быть только в борьбе, и сама стала помогать сыну. Наверное, немало она и плакала, когда сын уходил с заданием, из которых так просто было не вернуться, но ни разу не остановила она его, не попросила остаться, пожелать ее, ни разу не помешала благородным порывам его смелого сердца.

Мне думается, именно это сознание, что ни разу нигде и ничем не затруднила она короткой и прекрасной жизни сына, не поставила перед ним дополнительных испытаний, сознание того, что она сделала все, что могла для того, чтобы сделать его именно таким, каким он стал, и помогло матери написать светлую и очень скромную и ясную книгу, в которой любовь сильнее страдания, — книгу о большой победившей любви, о любви материнской и сыновней, о любви советского мальчика к родине, в которой он был счастлив, о любви, которая сделала этого мальчика бессмертным.

На разных этапах жизни люди по-разному читают и перечитывают книги, с разными точками зрения оценивают их. У меня растет двое детей, с каждым годом их жизни задача воспитания их становится для меня труднее и ответственнее, и естественно, что одним из самых серьезных своих помощников в этом деле я считаю книгу. Я оцепенела теперь книги (особенно книги с маркой издательства детской литературы) не только с обычных позиций читателя, но и с позиции матери, которая обязана думать о том, какие книги дает она читать своим детям. И вот, «Повесть о сыне» я буду читать им сама, потому что хочу увидеть, что их в этой книге взволнует и обрадует, что им будет понятно и что непонятно, потому что эта реакция поможет мне многое в моих деталях проверить и понять. Это будет еще не скоро, через несколько лет, когда достарут они до того возраста, для которого предназначена книга, а пока я прочла ее сама с большим волнением, благодарностью и гордостью и немало сделала для себя твердых и ясных выводов.

Книга посвящена юным пионерам нашей родины, — мне кажется, было бы правильным посвятить ее и родителям этих юных пионеров.

Ключевым путем капитана 1-го ранга Льва Андреевича Полонина тесно связан с историей революционного крестера «Аврора». В 1917 г. после окончания Морского корпуса и производства в мичманы, Л. А. Полонин был назначен на крестер ватхенным начальником и в период первой мировой войны участвовал во всех боевых походах «Авроры». В октябре 1918 г. Л. А. Полонин выполнял ответственные поручения судового комитета. Во главе отряда моряков он разоружил юнкеров, захвативших Зимний дворец. Но самой выдающейся датой в его биографии является 25 Октября (7 ноября) 1917 года — в этот день он артиллерийски разоружил в ватхенном журнале крестера «Аврора» исторический выстрел по Зимнему дворцу. С тех пор прошло 38 лет. Сейчас Л. А. Полонин служит в Ленинградском Национальном училище. Он снова связан с крестером «Аврора», ставшим учебной базой училища, и воспитывает своих учеников в славных традициях команды революционного крестера. НА СНИМКЕ: капитан 1-го ранга Л. А. Полонин рассказывает личному составу крестера «Аврора» об исторических днях Октября. Фото Н. Югова.

Аскер ЕВТЫХ

Крылатый человек

О новой жизни, о колхозном довольстве скагал стихам адгейский ашуг Теучеж Цуг — о том счастье, стремление которого был сам в последние два десятилетия своей жизни.

Я на старости лет своих радостей напею, Я и впрямь молодею, мощнейший яконоц, Посмотрю — небеса широко и просторно лежат, В них стальные орды высоко и свободно кружат.

Посмотрю на долины, на луга поля; там и тут По просторам хлебов, по дорогам машини бегут. Многосильные тракторы, делаю радостным труд, Слово доброе каприе лошади, пашней илуд: Как ругные драконы, крылатых комбайнов полки Приемлились и пьют себе волны шенной реки. Урожай лад распроеся, авенит, как певучая лира.

А колхозные нивы и глазом нельзя оглядеть, В сборнике «Счастье», недавно переведенном на русский язык, помещены также две исторические поэмы Теучеж Цуга — «Война с князьями и дворянами» и «Урсы-бый Мафоко». Обращаясь к истории, Теучеж Цуг преследовал одну цель — воспеть современную ему действительность.

Но поэт все счастье нашей жизни Только тот, кто доверкам вымывает О минувших горестях народа — говорил он.

Цуг хорошо знал историю своего народа, события, которые легли в основу обоих произведений. Тем не менее, стремясь к предельной достоверности, он обогнал факты, расприслил своих соратников, собрал факты, уточнил детали и только после такой кропотливой подготовки приступил к работе над поэмами.

У молодой адгейской литературы тогда еще не было опыта создания таких больших полотен, не была разработана техника стиха. На помощь поэту пришла русская литература: у Пушкина учился ашуг мастерство. Были и прежде в Адгее ашуги, но никто из них не поднял свой стих до такого высокого звучания, как Цуг.

За всю свою долгую дореволюционную жизнь Цуг не испытал счастья ни в чем, ни в ремесле шорника, мастера по изготовлению черкешских плеток, ни в труде земледельца. Он жил в нищете на заводских аула.

Цуг Теучеж. «Счастье». Избранные стихи. «Советский писатель». Москва, 1947 год, 118 стр.

Земля Цуга распределялась по степи бороздами... ибо бедняки коллективно нажимали один «каш» — деревенный плуг, и поочередно, бороздами пахали свою землю.

— Иная теперь пора — с гордостью заявляет Цуг: «Крестер, Растет богатый колхоз. Много у нас машини. Комбайны есть, И тракторы есть, И кам не троеит лужа. Теперь повсюду высокая чеша У нас человеку труда».

По-настоящему дарование Цуга все же раскрылось только после пятидесяти лет жизни, — уже при советской власти. «Сталин — песен всех моих истоков, — этим признанием определяется творчество замечательного народного поэта. Идея большевистской партии, торжество социализма в нашей стране — вот темы стихов Теучеж Цуга.

Передовой колхозник-поэт Цуг служил до последнего дыхания интересам народа, коммунистической партии. Беспокойный и неуслышный, он беспрерывно разгулял по аулам и в своей развлекательской черкешке был похож на крылатого человека, спешащего в будущее.

Поэтические рассказы Цуга, собранные в небольшую книжку, волнуют нас своей искренностью; ни в одном из его стихотворений нет монотонных поворотов, экзотических рифм, архаических оборотов, эпитетов. Перед нами ясное поэтическое мышление, свежая образность и простота, позволяющие поэту коснуться самых общедоступных и самых возвышенных, всегда существующих сторон нашей действительности.

Коллектив переводчиков, возглавленный Александром Гатовым, посвятившим творчеству Цуга семь лет труда, сумел донести до русского читателя главное в стихах ашуга — его искренний, честный голос. Однако и в этой, в общем хорошо переведенной книжке, встречаются небрежности, неточности, несоответствие с оригиналом.

Эти неточности, встречающиеся в книге, можно было бы устранить, если бы издательство нашло необходимым обратиться за консультацией к адгейским писателям, хорошо знающим жизнь, творчество Цуга и язык, на котором он писал.

Валентин КАТАВВ
Роман о враче-победителе

В издательстве «Советский писатель» вторым изданием вышел роман Алексея Югова «Бессмертие». Это — сильное, вдохновляющее произведение, написанное приемами некоей своеобразной поэтики, достойной особого рассмотрения. Это книга о многом и многом и прежде всего — о юном советском враче, который стремится скорее доказать, что не зря расходывались на его обучение народные средства; герой романа Андрей Савельев отказывается предложенной ему аспирантуре и решает поучиться сперва у жизни. С этой целью он уезжает на врачебный участок, в Бийскую тайгу, в горный район — туда, «где золото роят в горах».

«Поехать на периферию? — отговаривать от кафедры, от клиники, от научной работы, поехать в медвежий угол?.. — нет, нет, все, что угодно, только не это!.. Всеми силами «зацепиться» за Москву!..» — вот возглас, что греха таить, вырывающийся порою из уст юного юнца, окончившего медицинский институт, ставшего врачом.

С необычайной убедительностью и увлекательностью — ибо книга исполнена жизненной правды — показывается в романе Югова вся взлелеянная таких преудержанных. Врач Андрей Савельев, а вместе с ним и любой читатель воочию убеждается в том, что нет у нас никакой этой самой «периферии» и что, хотя на ином врачебном участке и не исключаются встречи с медведем, но «углов медвежьих» в стране социализма не существует. Что же касается научной работы, то никакая тайга ей не помеха! Всякий, окончивший медицинскую высшую школу, имеет возможность заниматься где, если, конечно, он честно выполнял в медицинской школе свой долг перед Родиной!

Перечитывая книгу Югова, невольно восстанавливаешь в памяти столь не похожую на судьбу Савельева, страшную участь врачей из романов Бронштейна и Спидера Льюиса («Итальда» и «Эрроумит»). Нам, людям нового, социалистического мира, кажется, например, непонятным, смешным и страшным обычай «покупать» себе медицинскую практику. Как это можно купнуть у другого «частника» — врача всех его пациентов, со всеми их песенками и селезенками, не спрашивая, хотя бы этого или нет хозяев этих песенок и селезенки? Нам попросту непонятно, как может настолько морально выродиться английский или американский врач, чтобы пойти на заводную губительную для больного операцию ради наживы?!.. Но ведь это не выдуманно нами: о подобном вырождении врачебной этики и Западе и «Нового Света» свидетельствуют сами же американские и английские авторы.

Наши молодые врачи — это Савельевы. И надо, чтобы побольше было таких. Роман Югова достоин того, чтобы стать спутником и другом нашего юношества, избравшего себе великий и вдохновляющий труд врача.

Книга будет работать!

Алексей Югов. «Бессмертие». «Советский писатель», 1947 г., 303 стр.

ДЕКАДА ЛИТОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ

В январе 1948 года в Москве состоится декада литовской литературы, в которой примет участие делегация писателей Литвы — прозаики, поэты, критики и литературоведы. Они выступят с докладами о литовской литературе перед писателями Москвы, на фабриках, заводах, в клубах. Московское издательство выпускает к декаде ряд книг с произведениями литовских писателей. В «Советском писателе» выйдут сборники «Поэты Литвы» и «Литовские новеллы», книги стихов А. Венцлова и А. Хургинаса. Гослитиздат выпустит книги избранных произведений литовских классиков Ю. Жемайтиса и И. Майрониса, том избранных произведений умершего в этом году прозаика Петраса Цвирия и сборник стихов современных литовских поэтов.

Е. Кошевой. «Повесть о сыне». Литературная редакция П. Гаврилова. М.—Л. Детгиз. 1947 г., 192 стр.

Эту книжку написали юности и девушки московских школ. Они сели за парты восьмилетними несмышленышами, а встали из-за них с золотыми и серебряными медалями — высшей наградой школы.

И вот они рассказали о том, что произошло с ними в годы мирной счастливой жизни, в годы Отечественной войны и великой победы советского народа над фашизмом. Рассказывали о семье и школе, о любимом учителе, о своем чудесном городе Москве, столице Родины. Они так и назвали свою книгу: «Мы учились в Москве...»

Эти слова, взятые нами из предисловия к выпущенной Детгизом книге «Мы учились в Москве...», дают ей тонкую аннотацию. На ста страницах этой, являясь, с подчеркнутой «ученической» скромностью изданной книги, где на холстине обложке, словно мелком на классной доске, перечеркены кривые трагических салютных ракет, похожих на зрелые колосья, а на титуле изображен новый университетский памятник Ломоносову, — десять выпускников-медальстов московских школ рассказали нам — каждый о себе, а все вместе — о том, как повзрослело зрелое молодое человеческое поколение социализма.

У этих десятилеток, за которыми стоят тысячи в миллионах их сверстников, — разные судьбы, неодинаковые пути, несколько обстоятельств жизни. Но когда прочтешь эту книжку, искреннюю и зволнованную, эту как видишь ту великую и радостную общность, которая властно объединяет лучшие мысли наших юностей и девушек, дает самым различным представлениям молодого поколения неколеблемую уверенность в правоте избранного нами народом пути, неуколнмо ведущего к высокому человеческому счастью. Эти десятилетки и их ровесники провели свои школьные годы в суровую, трудную пору, которой никогда не забудет история. И велико было им уметь в учении, и

«Мы учились в Москве...» Рассказы выпускников московских школ. Литературная редакция П. Гаврилова, И. Листована, А. Мустаева, В. Саблина и Я. Тава. Оформил Л. В. Дестерева. М.—Л. Детгиз. 1947. 104 стр.

Лев КАССИЛЬ

СОВЕТСКАЯ ЮНОСТЬ

много сложностей, немало тяжелых минут, а иногда и горьких лишений пришлось преодолеть кое-кому из них. Но как бы ни складывалась у них жизнь, ни на минуту не покидали этих юностей и девушек ощущение огромной, вспроникающей народной заботы, твердое убеждение, что жизнь в нашей стране устроена так, чтобы каждый мог проявить все свои лучшие способности и найти применение своим силам, счастливая вера в то, что не только Москва, где ты родился, но и любой уголок страны нашей — твой родной дом, а народ весь — твоя семья. И потому молодой москвич Алексей Аниа, эвакуированный в начале войны из Москвы в чувашскую деревушку, храбро берется за колхозный серп, который прежде «видел только на картинках», сперва ранил себе палец, выслушивает насмешливые реплики местных ребят, но, в конце концов, оспаривается с новым трудом и находит себе в колхозной деревне новых верных друзей. И он же потом, возмужавший, окрепший в труде и нелегких испытаниях сурового времени, вернувшись в Москву, сдает экзамен на аттестат зрелости, проводит «сорок дней в сорок ночей» за книгой и кончает школу с медалью. А в тот день, когда его приняла в институт, он, уже чувствуя себя студентом, подымается с девушкой-ровесницей на Воробьевы горы, «туда, где лавали когда-то клатву на вечное служение народу» — его великие земляки Герцен и Огарев. И девушка спрашивает:

— О чем вы сейчас думаете?
— О девятном третьем элементе в таблице Менделеева.

Девушка удивленно смотрит на меня:
— Я тоже об этом мечтаю. Но... знаете, кажется, он уже открыт. Говорят, что открыли еще три пустующие клеточки после урана.

— Нидего, — смеюсь я, — пас еще во втором классе научили считать до ста...»

А школьник Борис Беляев мечтал о далеких морях и странах, о путешествиях, и уже зрелая толстуха клеанцуха тетрадь, чтобы отметить в ней свои туристские наблюдения. Но когда еще отец уходил на фронт, ему пришлось стать к станку. Отец, привел мальчика на завод, сказал: «Борис, вот твой второй дом. Твоя семья вторая». И потом представил сына директору и рабочим: «Вы уже не обижайте его здесь. Он еще маленький... Только бы за партой и сидеть. А теперь вот придется семью кормить. За меня остаюсь...»

С какой ласковой и умной заботой растит завод своего питомца, оставшегося без отца! Страницы, описывающие отношение директора, мастера, рабочих к опроверженному паренку, нельзя читать без глубокого волнения. И мальчик оправдал эти заботы. Он организовал молодежную бригаду, которую, шутя, мастер назвал «старой гвардией». И ребята, проникнувшие огромной благодарностью к заводу, ломают голову над тем, как бы усовершенствовать производство, убыстрить ряд процессов. В конце концов, это им удается. И заводские старшки уже шутят: «Ниль вед! Отцы их на свое место допустили, а они теперь, пожалуй, и не поустат отцов-то обратно...»

В своем молодом рвении, стремясь в те военные дни дать как можно больше своему заводу, ребята иной раз и перехлывали через край. Они, например, решили работать по ночам «после каждого важного сообщения» по радио. И на делянках, сделанных в эти ночи, писали названия освобожденных городов. Но оказалось, что ночная выработка превылила обязательство молодых рабочих на 50 проц., а то, что выработали они днем — упало на 60 проц. Пришлось вмешаться в дело директора.

А попутно эти же ребята успевали гонять футбольный мяч, читать работникам газеты и журналы, слушать лекции, от-

кладывать часть своего заработка для семьи фронтовиков, мастериц для них «славные бидоны и кастрюли...». Но вот приходит час, когда директор вызывает к себе Бориса Беляева с его ребятами и говорит им: «Вы — молодцы! Завод гордится вами, молодыми патриотами! Но... посмотрите, что за обстановка! Огни газла, носты да уши. Ребята! Перед вами большая дорога. Ей и конца не видно... Вот скоро разобьем фашистов и опять начнем строить по-мирному. Сколько тогда родные инженеры потребуются, ученых! Чародей советской жизни! Вы должны ими стать, ребята, и вы ими станете. Вот что. Мы ребята вместе с парткомом, заводком и комсомольской организацией предлагаем вам пойти в школы. Согласны?»

Борис Беляев возвращается за школьную парту. Он вспоминает об этом времени: «Мой отец и мать не могли бы так следить за моей учебой, как это делал завод. Директор запретил мне готовить уроки во время обеденных перерывов, ревниво следил за мной отходом. Сокращал мои рабочие часы для школы и платил мне за них, как за работу. Отсылал меня в отпуски на время подготовки к экзаменам...» И, вышестованный заводским коллективом, нашедший в нем дружную, богатую и мудрую семью, Борис Беляев кончат школу с золотой медалью.

Наталья Сиднева описывает школьный выпускной бал и свое состояние после него. Она вспоминает рассказ Л. Толстого «После бала», но жестокое прозрение, которое ошеломляет героя этого рассказа на рассвете после бала при столкновении с отравительными сторонами тогдашней жизни. Нет! Разочарования не жут Наталью Сидневу на просторной дороге, куда вывела ее советская школа. И московский рассвет после школьного бала сулит ей новый, чудесный, расцветающий день. «Миллионеры на углях встречали нас дружелюбно:

— Что, девушки, школу окончили?
— Ага! Забудьте нам зеленый свет!.. «Зеленый свет», открывающий далекий свободный путь, зажжен для нашей молодежи на всех перекрестках ее общественных судеб.

Не сразу зажгется этот «зеленый свет» для московского школьника Германа Ильинского. Осенью 1941 года он был эвакуирован вместе с матерью из Москвы в Ставрополь. Ставрополь оккупировали немцы. Когда город был освобожден, Герман с радостью пошел в Красную Армию. Газуба, тяжелая несправка к немцам, соврешая в июне за пять с половиной месяцев фашистской оккупации, вела теперь Германа Ильинского по далеким фронтовым дорогам. Он был замком в орудином расчете, входившем в гвардейский казачий корпус. Через бой за освобождение Таганрога, через сражения под Одессой и Барановичами, долгой солдатской дорогой через Румынию и Венгрию прошагал Герман Ильинский, пока снова с книгами подмышкой не пошел в школу. Он окончил ее с золотой медалью и через несколько дней отнес аттестат зрелости в Архитектурный институт.

Галина Тулоцкая свой автобиографический очерк, который она назвала «Перед открытым окном», кончат так: «Вот новая страница. Она пока ничем не заполнена. Что-то будет написано в нее завтра?.. Далеко над Кремлем светятся рубиновые звезды, путеводные маяки юных, сильных, бодрых. Я смотрю на них, и мне ничего не страшно...»

С этой уверенностью начинают новую страницу своей жизни «юные, сильные, бодрые», молодые питомцы социализма. «Мы окончили школу с отличием...» — пишет Юрий Ляшков. — Это значит, что первое испытание мы выдержали. Перед нами широко раскрыты двери в большую жизнь... Но где бы мы ни оказались, — всегда, всюду, мы прежде всего будем гражданами

самой свободной, самой счастливой в мире страны, страны победившего социализма». Отличное дело сделал Детгиз, выпустив эту правдивую, сыльно и гордо звучащую книгу. «Мы учились в Москве» — называется она, но содержание ее значительно шире этого скромного заголовка. Мы растем при социализме — вот о чем говорит каждая страница этой книжки.

Литературная обработка этих автобиографических рассказов, произведенная группой писателей, сделана квалифицированно и в большей частью со вкусом. Она хорошо оформила сложный материал, придала ему композиционную стройность. К сожалению, в отдельных местах обработка эта приводит уже к излишней литературной вышестности, а кое-где и к недолгой сентиментальности, досадно ослабляющей большую документальную убедительность повествования.

Но в целом книга принимается, как великодушный неоспоримый документ, свидетельствующий о чудесных качествах молодого советского человека, о его ясном разуме, богатом интеллекте, пламенном сердце и высоких побуждениях, ради которых он живет, учится, творит. Эту книгу следует прочесть всем писателям, вне зависимости от того, какого возраста герои их собственных книг. Литературе, любимым книгам, влиянию их на формирование чувств, мысли, убеждений, отведено много страниц в книге десятилеток выпускников. Имена Горького, Маяковского, Островского, Фадеева упоминаются почти в каждом рассказе. Да это и естественно. Молодежь наша жално берется за книгу не только в дни экзаменов по литературе. Она ищет в советской литературе те идеалы, которые помогают ей расти и мужать, чтобы с честью выполнить основную задачу своей жизни.

«Мы ясно видим свою цель: жить для народа, служить народу, быть надежной сменой старшего поколения борцов за коммунизм».

Об упреках справедливых и несправедливых

Я испытал большое удовлетворение, прочитав письмо Аркадия Первенцева, опубликованное в № 49 «Литературной газеты». Мне было приятно, что такой крупный советский писатель, как А. Первенцев, написавший замечательный роман «Кочубей», обратил внимание на вопросы, поднятые мною, и счел «вполне законным» мое огорчение неосведомленностью некоторых писателей в области сельского хозяйства.

Вместе с тем, по моему, т. Первенцев не прав, рассматривая мое замечание о повести «Кавалер Золотой Звезды», как «несправедливый упрек». Мое выступление на собрании писателей в газетном отчете было изложено слишком кратко.

В своем выступлении я говорил, что писатели в своих произведениях, посвященных сельско-хозяйственным темам, иногда смешивают важное и неважное, верное и неверное, желательное и нежелательное. Так, например, писатели до сих пор продолжают прославлять в прозе и в стихах архаичнейший для центральной полосы, разбросанный сев.

Я указал на следующий абзац повести С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды»: «Усть-Невинскую Сергий вернулся в конце сентября... Пшеница, просо, овес, подсолнухи, кукуруза, бабки, картофель, — словом, на что только ни взгляни, все уже созрело и все требовало хозяйских хлопот и заботливых старательных рук... Там идет обмоток, там—репка подсолнуха, там—ломка кукурузы или копка картофеля, и повсюду — от зари до зари — трудятся колхозники, по всем дорогам пылят грузовики, катятся бычки и конные упряжки — урожай покидает поля!»

требование агрономической науки утверждено февральским Пленумом ЦК ВКП(б). Писатель, конечно, должен писать о том, что видит, но он должен уметь и критически подходить к виденному. Если С. Бабаевский сказал о том, что колхозники не успевают, в силу трудностей послевоенных лет, вовремя убрать подсолнухи, — никто бы не сделал ему замечания, но ведь он проходил мимо неурожайности этого срока и тем самым косвенно поддерживает его.

1947 год — замечательный для сельского хозяйства год. В этом году, по инициативе великого Сталина, приняты исторические постановления февральского Пленума ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству. Работа, проделанная тружениками сельского хозяйства, огромна, но не меньше еще предстоит сделать. Мне пришлось неоднократно бывать в колхозах и совхозах различных областей. Наряду с фактами небывалого под'ема в трудовом героизме, умелого применения достижений агрономической науки, и встречал и факты грубого нарушения элементарных агротехнических правил. Мне пришлось, например, видеть пшеницу, которую значительно более мелкую, чем этого требует февральский Пленум ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству. Да, безусловно, но писать так, чтобы с каждым днем этих фактов становилось все меньше и меньше.

В этой заметке я хотел бы обратиться ко всем писателям с просьбой помочь работникам сельского хозяйства пропагандировать достижения передовой науки, опыт стахановцев, передовиков, продвигавших агрономическую науку вперед.

Я с интересом прочел в «Литературной газете» статью А. Аграновского об учителе Кудре и могу полностью присоединиться к справедливому требованию автора пропагандировать результаты опытов Кудри.

Но должен, к сожалению, отметить, что А. Аграновский не дает читателю конкретного представления о работе учителя Кудри. Он пишет, что Кудра замачивал семена в каких-то «различных» растворах. Из такого описания вряд ли могут извлечь что-нибудь полезное сотни передовиков-опытников в наших колхозах.

Я с удовольствием отметил, что т. Бабаевский говорит в своей повести «Кавалер Золотой Звезды» об уничтожении сорняков и бурьянов на улицах станицы. За свою сорокалетнюю деятельность мне пришлось сотни раз выступать с требованиями борьбы с сорняками повсеместно, и прежде всего на полях.

Внимательно приглядываясь к передовой агротехническому опыту, со знанием описывать его — вот задача, стоящая перед советским писателем.

А. Первенцев наблюдал уборку подсолнечника 18 сентября. Мне хотелось бы, чтобы т. Первенцев и Бабаевский в будущем году содействовали тому, чтобы подсолнечник на нашей советской Кубани убирался во-время, раньше кукурузы.

Я глубоко уверен, что совместные усилия писателей, публицистов, агрономов, специалистов сельского хозяйства, вместе с огромной силой — советским колхозным крестьянством могут и должны в кратчайший срок сделать так, чтобы сельское хозяйство великого Советского Союза жило и работало, согласно требованиям передовой агрономической науки. Это будет, как правильно указывалось на страницах «Литературной газеты», лучшим ответом на брань всех поджигателей новой войны против Советского Союза.

И. АКУШКИН,
действительный член Академии
с.-х. наук им. Ленина

На Советской улице

Любовно и заботливо отстраивают калитницы свой город и главную магистраль его — Советскую улицу, некогда называвшуюся Миллионной. Это в ней А. Н. Островский, побывав в Твери, писал: «На всем протяжении Миллионной видна самая строгая деятельность полиции и почти никакой общественной жизни. Безразличие тверских улиц и не видно во всей России...»

За годы сталинских пятилеток город Калинин преобразился. Незабываемая Стали и Советская улицы. На ней выросли новые дома, школы, библиотека, детские сады, ясли, поликлиники.

Нельзя разлучить и соседи в Калинин 70 проспекта, 77а здания, 48 дворов, 7 детских садов, 23 детских яслей, театр, кино, клубы, библиотеки, музеи. Она уныло жила и повредила все здания на Советской улице.

Сейчас на месте разрушенных поднимаются здания новых домов. На Советской улице скоро снимут леса со здания Филармонии. Реставрируется под руководством академика Н. Я. Колпиной дворец.

Миллионную улицу населяла купцы, заводчики, чиновники, дворяне. А кто живет на Советской? Вот, для примера, дом № 88. В его 24 квартирах обитает 48 человек. Квартиры № 1 в занимает семья депутата Верховного Совета РСФСР тов. Зинина, в квартире

№ 38 — семья рабочего тов. Богданова. Мастеру вагонного завода тов. Семетову предоставлена квартира № 31. Инженер тов. Деревяев поселился в квартире № 48, квартиру № 14 занимает учительница тов. Давыдова, в квартире № 4 — заслуженный артист РСФСР тов. Лобанов.

Обитатели этого дома расходуют в месяц 100 тысяч ведер воды, — столько, сколько потребовала вся центральная часть старой Твери. В квартирах дома 300 электрических лампочек, — почти столько, сколько было во всем городе в 1918 году.

Многие три школы, двух детских садов, больницы, поликлиники. Дома учителя, областной партийной школы, партийного кабинета, на Советской улице помещается областная библиотека имени А. М. Горького. В ней около 200 тысяч книг, которыми пользуются 14 тысяч читателей. А в дореволюционной Твери городская библиотека насчитывала 17 тысяч книг и 120 читателей.

НА СНИМКЕ: Слева — Миллионная улица (со снимка, хранящегося в Калининском областном музее старины — Советская улица, на переднем плане — новое здание гостиницы «Селтер».

Текст Л. РУДИН; фото Л. МИХНОВСКОГО.

Посетители редакции рассказывают

Х. ЗАХИДОВ,
инженер здравоохранения Узбекской ССР

На днях на коллегии Министерства здравоохранения СССР слушался мой отчет о состоянии медицины Узбекистана. Скажу откровенно, мне было приятно делать свой доклад — есть чем гордиться нашей республике. В нашей работе за последние время появилось много нового. С каждым днем расширяется облик Узбекистана. Возникают заводы, шахты, появились своя металлургия. Ближай к концу грандиозная народная стройка — Фархадстрой.

На всех этих новостройках организовано широкое медицинское обслуживание. Во время строительства новой железной дороги в пустынной степи появились 20 станционных, 40 фельдшерских пунктов, три зубо-врачебных кабинета. Здесь работало более тысячи медицинских работников.

Один этот факт ярко отражает весь 30-летний путь узбекского народа, не имеющего до революции ни одного врача-узбека. Людей «лечили», а вернее сказать, калечили знахарки — табибы.

Сейчас у нас 3.758 врачей и более 10.000 работников среднего медицинского персонала. Большинство из них — узбеки. 49 узбеков — кандидаты медицинских наук. Это — воспитанники девяти созданных в республике за годы советской власти медицинских институтов. Недавно защитил кандидатскую диссертацию аспирант Инфекционной клиники тов. Маджидов. Он вел новую, асоно-фагоцитарную реакцию для определения бруцеллеза.

Большую научную работу проводят профессор Исмаилов, Надмелинов, Аскарлов. Заслуженную славу принесла Т. Умидович ее докторская диссертация на тему: «Влияние жаркого климата на большое и здоровое сердце». Узбекская женщина — доктор наук! Для того, чтобы почувствовать силу этого факта, надо вспомнить проклятые паранжалы, надо знать, что в недавнем прошлом надо обращаться к доктору запрещалось узбекской женщине.

Сейчас у нас в республике 114 родильных домов. Только за последние три месяца было разрешено 25 новых родильных домов на селе. В республике функционирует 428 благоустроенных больницы на 28.865 коек. Амбулатория, детские санатории, курорты, пункты скорой помощи и медицинской авиации для отдаленных районов — все это давно вошло в быт, стало привычным.

Но работы в области здравоохранения Узбекистана еще много. Например, борьба с малярией. Это — своего рода «болезнь роста». Грандиозное развитие орошительной системы на хлопковых полях, новые арки и водные коллекторы легко могут стать очагами этой изнурительной болезни, если не провести необходимых мероприятий. Здесь, в Москве, на коллегии я ставил вопрос о лучшей координации работы трех министерств: сельского хозяйства, водного хозяйства и здравоохранения для профилактики тифических противомаларийных работ.

НОВЫЕ КНИГИ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

- М. Агнер. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 211 стр. Тираж 25.000. Цена 10 руб. 25 коп.
- И. Антокольский. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.
- И. Ибрагимов. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.
- И. Ибрагимов. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.
- И. Ибрагимов. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.
- И. Ибрагимов. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.
- И. Ибрагимов. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.
- И. Ибрагимов. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.
- И. Ибрагимов. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.
- И. Ибрагимов. «Ибрагимов». Стихи. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 256 стр. Тираж 25.000. Цена 11 руб.

Письма зарубежных друзей

Большую почту из многих стран мира получает ежедневно Всесоюзное общенародное культурное сдвиг с заграничной. Это — письма друзей Советского Союза, круг которых ширится с каждым днем. Авторы проявляют громадный интерес к Советскому Союзу, его государственному устройству, быту. Они изучают нашу страну, историю ее народа, литературу, восхищаются ее успехами.

Профессор Оксфордского университета, переводчик русской поэзии на английский язык, Баура пишет: «Я уже начал читать Твардовского и вижу, что он первоклассный поэт, у которого есть что сказать. Большой интерес для меня представляли ваши молодые поэты. Я замечаю, что они вносят свой немалый вклад в нашу интеллектуальную жизнь». По поводу изданного у нас недавно в русском переводе Джерри Чосера Баура пишет: «Перевод (И. Кашина и О. Умеря) прекрасен. Открытки, которые я сверила, точны и поэтичны». Баура сообщает, что он закончил перевод второго тома русской поэзии и написал книгу по истории литературы, содержащую главу о Маяковском. Продолжая работать над книгой о героической народной поэзии, профессор Баура просит прислать ему в помощь сборник русских былин и переводы из эпоса других народов СССР.

«Я начал читать «Сын полка» и нахожу его необычайно увлекательным, — сообщает в своем письме переводчик русских писателей на уэльский язык Халсон Вильямс. — У нас в Уэльсе производят большое впечатление огромные цифры тиражей издаваемых вами книг». Переведенная Халсоном Вильямсом повесть В. Гроссмана «Народ безмолвен» выдержала необычно большой для Уэльса тираж.

Корреспондент с о. Цейлона Дилей с восхищением отзывался о советской политике мира и вспоминает выступления тов. Д. Мануильского в Генеральной Ассамблее, отстаивавшего интересы Индонезии. «Весь Восток смотрит на СССР», — пишет Дилей. Интересна часть переписки, в которой говорится о подготовке к юбилею тридцатилетия Октября.

Театральная секция английского Общества культурной связи с СССР готовит к тридцатилетию Октября большой вечер советской поэзии.

Швейцарское радио готовит к 7 ноября радиочечер, посвященный «России 1947 года».

Один из лучших хоров Югославии — «Глазбена Матица» в Люблине выбрал для праздничного концерта «Емельян Пугачев» Ковалев.

А. СОФРОНОВ

ПЛОТОГОН

Посреди реки изба,
Над окошками резба,
Сбоку Кама бьет волной,
Плот по Каме движется.
Их плотогон жег костер,
У костра лежит багор,
Дым над поймой речной
В три колеска нисится.

Гонит Камой плотогон
Леса сто один вагон,
Дуб, осина и сосна
Срублены и спилены
В той таежной стороне,
Где летают по весне,

Просыпаясь ото сна,
Глушары и филины.
Там стоял и стук, и гром,
Под пилкой, под топором,
И летела без числа
Стружка золотая,
Отлетала прочь кора,
Где встречались мастера,
Где в лесу изба росла
От смоляк жульства.

Лесоруб сказал: — Дамки!
Пусть трубно вьется дым,
Пусть в подарок Сталинград
Плот по Каме движется.

Грамматика малозученных языков

У некоторых народностей СССР появились письменности только после Великой Октябрьской социалистической революции. Для дальнейшего развития литературных языков этих народов необходимо создание научных грамматик. Над составлением их работает московское отделение Института языка и мышления им. Н. Марра Академии наук СССР.

Старший научный сотрудник отделения доктор филологических наук Л. Жирков занимается недавно работу над грамматикой табасаранского языка — одного из языков Дагестана, на котором говорит около сорока тысяч человек. Доктор филологических наук Н. Яковлев составил грамматику кабардино-черкесского языка. Он же разрабатывает грамматику абхазского языка. Подготовлены, кроме того, к печати грамматики абазинского языка (доктор филологических наук Г. Сердюченко) и бурят-монгольского языка (доктор филологических наук Г. Савицкий). Составляются грамматики ойротского, хакасского и шорского языков.

В текущую пятлетку сотрудники московского отделения Института языка и мышления им. Н. Марра будут заняты составлением «сравнительных грамматик» по отдельным группам языков: северокавказских языков, тюркских, монгольских и др. Уже выполнен ряд работ, относящихся, главным образом, к морфологии языков. На очереди — работы по сравнительному синтаксису.

Письмо в редакцию

КАК СМЕЕТ АМЕРИКАНСКОЕ РАДИО ОСКОРБЛЯТЬ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ?

23 октября нью-йоркское радио «оповестило» советских радиослушателей о новом факте американского правосудия: последнее покорило американского гражданина за то, что он «оскорбил» своего соотечественника, назвав его коммунистом.

Мне, советскому человеку, непонятно, как смеет американское радио передавать это в порядке «дружественного» радиовещания в страну, где слово коммунист является священным, в страну, где среди радиослушателей тысячи коммунистов, проливших свою кровь в боях с фашизмом, где вдовы, сироты и матери коммунистов, отдавших свои благородные жизни во имя

спасения человечества и цивилизации, до сих пор не вынахали своих слез!

Да не только у советского человека, но у каждого честного человека другой страны, не отравленного пикеткой антикоммунистической пропаганды, слово коммунист ассоциируется с понятием об общественном долге, высокой человечности и самопожертвовании.

Потому мне, советскому радиослушателю, хочется сказать за океан:

— Если вы делаете гадости, то хоть не рекламируйте их, ибо это не придает солидности, ни авторитета вашей живой «демократии» и гнусному «правосудию».

Майор А. КРИЧЕВСКИЙ.

САМЫЙ ДРАГОЦЕННЫЙ ДАР

«Докладываем товарищу Сталину...»
Таковыми словами начиналась записка, найденная случайно после войны в забытом доте под яля, вернее, над Севастополем. Город лежал внизу, распростершись на белой от нежданно выпавшего снега земле, словно больной на операционном столе. Его лечили. Дробь молотков, и гулканье экскаваторов, и скрежет ледобок — знакомая, неумолимая симфония мирного времени!

О минувшем напомнили не страшные рубцы на теле Севастополя — город был солдатом, что с гордостью носит на гимнастерке почетные золотые нашивки тяжелых ранений. О минувшем напомнила записка. Она лежала под камнем, в углу дота, завернутая в бинт, в мягкую резину и еще раз в бинт, но ржавчина времени и влага прогрызли обертку и добралась до бумаги, и потому отдельные слова в записке нельзя было разобрать.

«Докладываем товарищу Сталину: отрезана от своих — пятый день, воды нет — третий день, убитых — трое, раненых — тяжело — двое, дот обороняют — двое. Нет пулеметных лент, нет гранат, в наличии... и... автомата. Немцы готовят штурм. Докладываем товарищу Сталину: крашефлотский дот будет держаться до последнего. Старшина... статьи... мякин, коммунист с 1941 года, старший крашефлотец Пуст... просит считать коммунистом. И да здравствует коммунизм! 30 июня 1942 года».

Сколько раз за время войны приходилось мне видеть эту фразу, написанную торжественно на листке, вырванном бл блокнота, на конверте поперек адреса, на клочке газеты. И сколько раз приходилось боям переломного края слышать ее, — когда не было под рукой оградка караула, или когда был караулом, но не было времени, люди просто говорили на ухо товарищу — «Передай по пени командиру — Иванова просит считать коммунистом» — и шла в бой — за Родину, за коммунизм!

Я вспоминаю Полосковские в октябре сорок первого, в короткий солдатский привал в лесу, перд боем, в молодого лейтенанта с мятым листком тетрадной бума-

ги в руках, и полтрука роты, принимающего этот листок — «Полтруку роты тов. Жмайленко. Если погибну в бою, прошу считать, что погиб коммунистом, и о том сообщить семье и односельчанам. К нему красноармеец Прохвятилов П.». — «А если останутся в живых?», — спрашивает лейтенант, пытаясь взглянуть в солдатку — «Если останусь в живых, и в бою не струшу — подам заявление в партию, так и решал». — «Хорошо», — говорит полтрука и причесывает листок в карман. — «Закончим». — Мы усаживаемся на пенки. Прохвятилов рассказывает о себе: колхозник из-под Архангельска, жил недалеко — земля в его краю на обильный урожай не очень щедра; семья шесть душ — двое сыновей, старшему в будущем году прынется. «В партию мне до боя нельзя, — раздумывает Прохвятилов вслух. — А вдруг испугаюсь. Нет, до боя нельзя». И, помолчав немного, добавляет тихо: «Но хочу я, товарищ полтрука, чтобы знали вы, если погибну, и, — чтобы люди знали, — для чего я жил, во что верил и за что в бой шел. Вот для того и написал я это...». Команда — «Стройся!» — прерывает короткую нашу беседу. Полтрука смотрит Прохвятилова вслед. — «Нет, такой никогда не отступит, — говорит он взволнованно. — Верьте мне, никогда не отступит!»

Я не встречал больше Прохвятилова и ничего не знаю о его дальнейшей судьбе. Но я убежден, что если погиб он, то погиб достойно, с оружием в руках, как и героические защитники безымянного Севастопольского дота. И если живет, то живет достойно, как и тысячи и миллионы его земляков, ратными своими трудами отстаивавших советский строй на полях сражений минувшей войны и мирными своими трудами укрепляющих ныне этот строй на полях колхозных. «Чтобы знали, для чего я жил, во что верил и за что в бой шел...» Великая эта сила — сознание советского

И. БАРУ

человека — самый драгоценный дар среди всех неопытных даров Октября! Рожденная в большинстве подполье, по сигналу «Аврора» эта сила послала литейских пролетариев на штурм Зимнего дворца; закалявшиеся в огне гражданской войны, она победоносно провела советский народ по стройкам первых пятилеток. Эта сила проложила Туркестан, заволола Днепр, соединила Балтику с Белым морем и Москву реку с Волгой, она бросила горящий самолет капитана Гастелло на вражескую мотоколону и остановила немецкие танки у раз'езда Дубосеково, и грудую Александра Матросова закрыла амбразуру вражеского дота, а руками капитана Самсонова водрузила знамя нашей победы над рейхстагом. Эта сила вдохнула жизнь в разрушенные шахты Донбасса и вознесла к небу корпус «Большого Штифеля», и оросила выжженную солнцем землю Ферганской долины.

Переключкой героев фронтовых дней с героями мирных дней звучат верные строки рапорта военных моряков 1942 года — «Докладываем товарищу Сталину...», — и слова боевых донесений с хлебного фронта 1947 года: «Докладываем Вам, товарищ Сталин, что колхозы, совхозы и подсобные хозяйства Казахской ССР 25 октября досрочно выполнили государственный план хлебозаготовок...» И дальше — непременно в каждом донесении: «...сдача хлеба государству сверх плана продолжается...»

Некий иностранный журналист, побывав в одном колхозе, спросил председателя этого колхоза — по какому приказу колхозники передают государству хлеба больше, чем определено планом. — «По какому приказу?» — переспросил председатель. — По приказу своей души — вот как я отвечаю. По приказу своего сознания». — «Этого я не понимаю, — раздраженно заметил журналист, — я человек деловой, и красивые слова меня мало трогают. Давайте разберемся: если не приказ свыше, то тогда нас заставляет делать это желание заработать больше денег, не так ли?» — «Нет, — сказал председатель, — так. Я ответил Вам правильно — то, что думаю сам и что думаю от мон односельчане».

Есть во Франции плато Шмен де дам — страшный памятник первой мировой войны, мертвая земля, на которой тридцать лет ничего не растет, земля, которая до сих пор пречет в себе мины и невзорвавшиеся снаряды, земля, на которую никогда, должно быть, пока существует капитализм, не вернется жизнь. И есть на Смоленщине Ельнинский район — так назывался он до сорок первого года и так называется сейчас, а в годы войны это был Ельнинский плацдарм — искромсанный миллионами снарядов и авиабомб, изрытый вальд и полчищ саперных лопаток, проутюженный танками, начиненный взрывчаткой до такой степени, что, казалось, это на мине растет и пробивается наружу бурьян и чертополох. Были на этой земле деревни, куда не могли на первых порах проникнуть ни люди, ни автомашины. Мешки с зерном и песенной кампания туда доставляли на связных самолетах. Работники райкомов ходили в эти деревни, как в разведку, — по узким тропкам, ограниченными флажками.

Советский Шмен де дам? Нет! Не та страна, не тот общественный строй, не те люди!

Колхозники не стали ждать, пока вернутся из-под Берлина и Вены саперные бригады, чтобы очистить смоленскую землю от мины. Не могли и не хотели они ждать, нельзя было ждать. Наши инструкторы, организовали курсы. И вот — не по приказу свыше, а по приказу души, по приказу собственного сознания — с минюискателями в руках двинулись хлеботорбы и львоводы Смоленщины по полям, по дорогам родной области, отовсюду для будущего гектар за гектаром. И снова появились на смоленской земле тракторы. Отныне бесчисленные воронки, траншеи и противотанковые рвы, они шли в бой за хлеб, как некогда ходили на этих полях в атаку советские танки. И опять переложилась Смоленщина лентами дорог, и поплыли по этим новым дорогам — элеваторы и сыпальные пункты подвоза и автомашин с зерном обильного колхозного урожая. Питательный труд советских людей возратил жизнь изувеченной земле, и она вошла в строй плодородящих земель, точно так же, как входит в строй действующих предприятий восстановленный завод или шахта. Недавно «Голос Америки» решился познакомиться слушателей в СССР с послево-

енной судьбой демобилизованного американского солдата. Нет, в радиопередаче ничего не говорилось о тех трех миллионах «неудачников» (очень любят называть так американцы людей, не имеющих хлеба и жилья), которые бродят по стране в поисках работы. Ничего не говорилось о ней и о тех неграх — ветеранах войны, которых ныне белокожие «бизнесмены» ли разра в жизни не слышавшие санста снарядов (равно что в кино), вешают для остротки на деревьях. Речь шла о счастливице, о великом удачнике, о парне, которому, с точки зрения «Голоса Америки», здорово повезло. Не знаю, много ли было правды в дикторском рассказе, но если даже все в нем было выдуманно, то по одной только этой выдумке можно было составить себе безошибочное мнение о том, как буржуазно «мыслящий» и чувствующий американец (или, во всяком случае, пишущий о нем журналист) представляет себе счастье. Где-то на крутиной шоссе магистралей приобрел себе демобилизованный газолитовый колхозник, купил по соседству диктор в раскочерку. С умлением говорил комментатор, как мильекие у него знаменки на окнах и как хорош его новенький пиджачок — этот традиционный символ стандартного американского счастья.

Кого же в нашей стране хотели соблазнить таким счастьем господа нью-йоркские пропагандисты? Слесаря московского часового завода Андрея Якушина, — да, просто слесаря, рядового рабочего, который прочел недавно доклад о способах борьбы с производственными потерями на заседании коллегии союзного министерства? Или курского колхозника — 350 тысяч курских колхозников, которые переселились за последние годы из подпольных своих жилищ, оставленных им в наследство немецкой оккупацией, в новые просторные, благоустроенные дома? Или творцов «Большого Штифеля» — я имею в виду не только специалистов — монтажников и строителей, но и тех николюпольских домохозяйек, тех колхозниц, тех скромных контролеров или счетоводов городских учреждений, которые проводили

свои воскресные дни на строительных площадках «Большого Штифеля», — чудесные наши люди, для которых нет чужих дел на советской земле!

Много веков мечтает о счастье человек, и в сущности, формулирует коротко, можно сказать, что мечта о счастье была для людей всех наций и поколений мечтой о хорошей жизни. Но для владельца газолитовой колонки, гражданина Соединенных Штатов Америки, счастье, как это легко было понять из нью-йоркской передачи, заключается в хорошей жизни «для себя», а для Андрея Якушина, гражданина Союза Советских Социалистических Республик, счастье, как это легко понять на примере его трудовой деятельности, заключается в хорошей жизни для всех.

Иосифу Виссарионовичу Сталину принадлежат замечательные по своей простоте и ясности слова: «Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше, — догоняй лучших и добейся общего под'ема». — Вот по какой заповеди живут и работают миллионы советских людей, и каждый из них свое счастье видит в счастье народа, свое богатство — в богатстве народа.

Как живо вспомнился мне Прохвятилов, когда я читал рапорт его земляков на имя товарища Сталина. Всего несколько строк: «...поступило хлеба больше, чем в прошлом году, на 349 тыс. пудов и против довоенного 1940 года на 150 тыс. пудов».

Против довоенного 1940 года! Сколько людей в Европе со вздохом вспоминают «доброе мирное время» — когда-то оно вернется, да и вернется ли вообще, — а вот архангельские колхозники уже оставили сороковой год позади.

Богатыми дарами отвечают советские люди на великие дары Октября, но все кажется им, что мало, зсе хочется сделать еще больше, еще лучше, еще быстрее. Не троить с бубенцами, а самолетом-ракетой мчаться Советская Россия сквозь годы в будущее, обгоняя другие страны, и тверда рука пилота, и верны крепки, и зорким своим глазом ясно видит он цель.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.